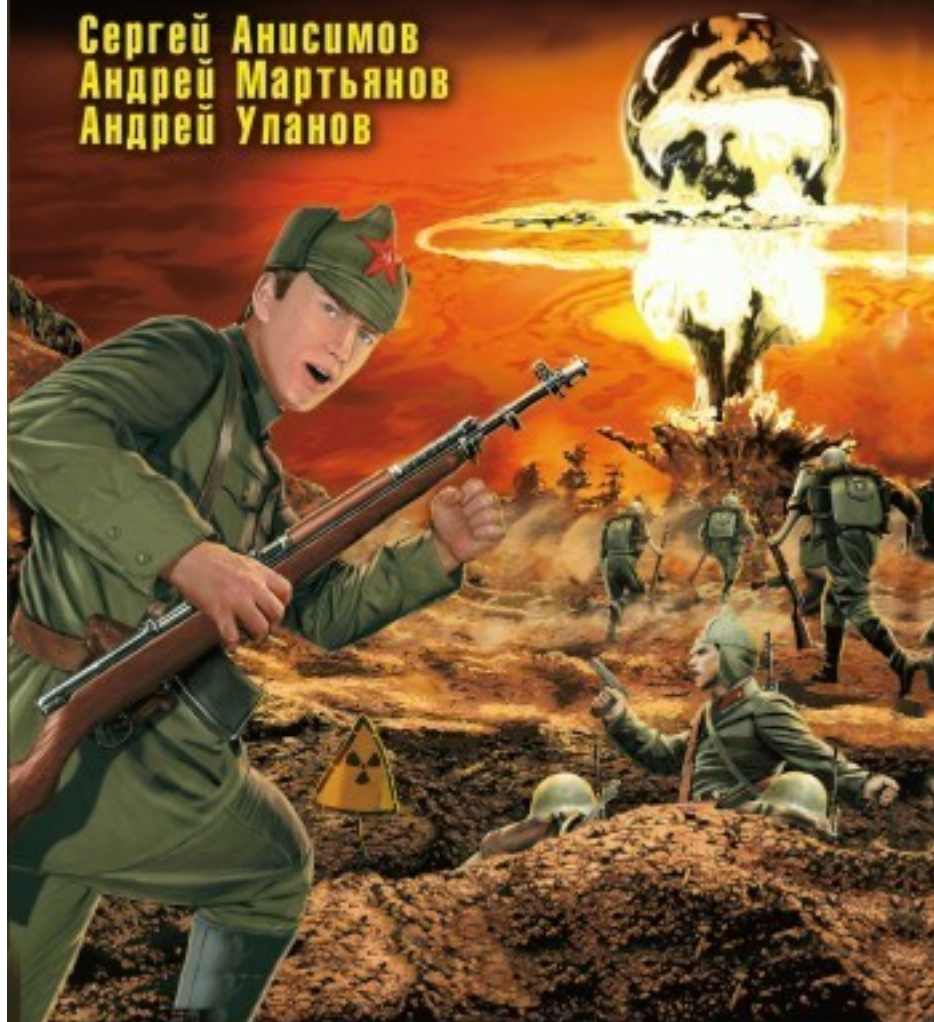

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

ЯДЕРНОЕ ЛЕТО 39-ГО

Сергей Анисимов
Андрей Мартьянов
Андрей Уланов

Александр Тюрин
Ядерное лето 39-го (сборник)

«Точинов Виктор»

2009

Тюрин А. В.

Ядерное лето 39-го (сборник) / А. В. Тюрин — «Точинов Виктор», 2009

Если верить братьям Стругацким, в следующем веке будет создан Институт экспериментальной истории. Но пока история еще не стала точной наукой вроде физики или химии, мысленные эксперименты ставят писатели, работающие в популярном жанре альтернативной фантастики. Как изменился бы наш мир, если бы Сталину удалось форсировать ядерные исследования и первая атомная бомба была испытана «ядерным летом» 1939 года, в ходе боев на Халкин-Голе? А если бы план «Барбаросса» увенчался полным успехом и Гитлер одержал победу во Второй мировой? А если бы Кубинский кризис перерос в полномасштабную ядерную войну? А что, если уже завтра войска НАТО начнут прямое вторжение в Россию – как скоро американские танки дойдут до Москвы? Ведущие отечественные фантасты – Андрей Уланов и Сергей Анисимов, Андрей Мартьянов и Александр Тюрин, Людмила и Александр Белаш и др. – экспериментируют с историей, переписывая прошлое, переигрывая настоящее и будущее.

Содержание

Александр Тюрин	5
1	5
2	10
3	15
4	21
5	28
Андрей Мартьянов	31
Вадим Шарапов	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

**А. Уланов, С. Анисимов, А.
Гореликова, М.Шевляков, Л.
Белаш, А. Белаш, Д. Токарев, А.
Тюрин, В. Контровский, В. Точинов
Ядерное лето 39-го**

**Александр Тюрин
Царства казака Сенцова**

1

С привала снялись быстро, словно воробьи, наклевавшие крошек – Никитка Келарев притиснул вдруг свое оттопыренное ухо к земле, послушал недолго и проговорил скучным голосом:

– Скачут со стороны холма, скоро здесь будут.

Я, как сидел, так и подскочил над невысокой выжженной травой. А на высотке меж деревьев-палочек уже мелькает десятка два темных пятнышек. Это Зегерс с отрядом интернационалистов имени Парвуса. А я-то рассчитывал, что после переправы выиграем день, чтобы раствориться в горах. Да и была надежда – не сунется он на афганский берег.

– Никита, снимай недоуздки. Сивого не навьючивать, и так уж хромает, бедолага. Двинем к ущелью Кызылбаш.

И вот горная дорога снова вьется подо мной, а порывистый ветер рвано свистит, врываясь в уши. Я посреди цепочки, впереди – Келарев с Иловайским, замыкают Пантелеев и ротмистр Суздальцев на храпящем жеребце.

А ведь предал нас тот аксакал, которого мы повстречали за переправой через Пяндж. Келарев предлагал тут же перекрестить его шашкой, а я чего-то пожалел, старик уж совсем как каменный «баба» застыл. Сентиментальность, похоже, боком выходит.

Интернационалистов нельзя ближе, чем на полверсты, подпускать, иначе посрезают нас из винтов, у них амуниции раз в десять больше, чем у нас. В ущелье Кызылбаш мы тропки заранее проведали, быстро пройдем, пока Зегерс со своими латышами и эстляндцами будет за кручи цепляться.

Но сможем ли еще до ущелья оторваться от преследователей? Хоть и отдыхали мы с полудня, однако у вражьей силы лошадки посвежее. Наши-то, считай, от самого Иргиза в походе, под чепраками шкура чуть ли не до крови вытерта.

Дорога под копытами валиком крутиться, а я как будто на одном месте застыл в самой середине вселенной. Но вот громыхнул первый выстрел, и сразу зябь прошла между лопаток.

– Разделиться надо, Вашбродь, – крикнул вахмистр Пантелеев.

Кличка тут у меня Вашбродь, поскольку на «ваше благородие» не слишком смахиваю. А командовать отрядом должен по уставу драгунский ротмистр Суздальцев. Но он еще под Астраханью заговариваться стал. Построит отряд – и вместо грозного окрика: «Разговорчики в строю!» может сказать: «Поцелуйчики в строю». А на Иргизе ему духи начали являться, поодиночке и коллективно.

– Вашбродь, ну-тко отправляйтесь прямо по тропе вместе с ротмистром и Келаревым, а я с Иловайским от вас приотстану. Мы к скале Зулькарнайн поедем, и латыши, как пить дать, за нами. Мы там как-нибудь по спуску проковыляем, а интернисты эти все ноги переломают на камнях. Вы за Кызылбашем поворачивайте к югу. У кишлака Маверан, бог даст, и встретимся.

Вместе нам теперь ехать только до сухого русла. От реки осталась лишь скучная серая рывтина, а за ней бывший высокий берег, ныне каменная стена яра. Пантелеев с Иловайским вдоль стены налево понеслись, на виду у латышей, а мы скрылись в разломе, оставшемся от какого-то исчезнувшего притока, и через каких-нибудь полчаса достигли ущелья Кызылбаш.

С севера послышался треск выстрелов, значит, ввязались наши товарищи в бой. А мы въехали в ущелье, и стало так тихо-тихо.

Лошади перешли на шаг, пусть остынут. Где-то с час мы двигались в проходе меж скал, извилистом и длинном, как кишка барана, почти задремали, и вдруг наш придворный безумец Суздальцев встрепенулся и махнул рукой вперед.

– Там ОНИ.

– Никого не замечаю, господин ротмистр, – вежливо сообщил я.

– Вот же ОНИ, сотник. Кони вороные, мрачные, вышагивают на длинных, словно тростниковых ногах, а головенки мелкие, невместительные; всадники же бледно-зеленые, облепленные паутиной, она всех их связывает, а над воинством хвостатая фигура летит.

Тяжело, когда товарищ свихнулся, а доказать ему это невозможно... И в самом деле послышался топот конский.

– Всем спешиться. Господин ротмистр, отыщите какую-нибудь нишу между скал, уведите туда коней и протрите-ка их травкой, чтоб не простудились. Келарев, давай вверх по склону, займи позицию для ведения огня и примкни взгляд вон к тому повороту. Надеюсь на твой кругозор.

Мы стали резво карабкаться по осыпающимся камням, а потом попрятались за глыбами повнушительнее: Келарев в нескольких саженях выше меня. Едва схоронились, как зацокал конный отряд. Но не интернационалисты-латыши, а магометане с крашеными хной бородами и черными очами. Впереди, как и принято, самые важные, пускают пыль в глаза. Халаты парчовые, тюрбаны белые; сбруи конские, ножны и эфесы сабель изукрашенные. Так блестят на солнце, что глазам больно. Следом едут люди чуть менее важные, но опять приятно посмотреть: маленькие круглые щиты, большие кривые сабли и даже стальные нагрудники, отделанные чернью и зернью. Про английские карабины тоже не забыто. Это, скорее всего, бадахшанские афганцы пожаловали.

– Вашбродь, я тут расселину, а может, всамделишный проход приметил, – прошипел Келарев. – Может, юркнем?

– А ротмистра, значит, бросим на съедение этим? Ах ты, каналья!

– Виноват, ваше благородие, я думал, что от свихнутого-повернутого нам мало толку, но после ваших слов сразу понял, что ошибался.

– Ты не думай, а то много ошибаться будешь.

И вдруг навстречу магометанам выехал отряд Зегерса – вернее, где-то половина его. Афганцы на какое-то мгновение застыли, но своевременно грохнуло два выстрела, а затем пошло тарахтенье. Я даже не сразу сообразил, что это Келарев для почину пару раз пальнул. Один раз по магометанам, а другой – по интернационалистам, и те принялись ответно садить друг в друга. Наконец те из латышей, что живы остались, двинули врассыпную. Одни, на конях, вскачь обратно по ущелью, однако магометане их догоняли и рубили. А другие интернационалисты вверх по склону стали карабкаться, быстро так, и прямо на нас. Пока я раздумывал, стрелять или не стрелять, рядом появился Зегерс – белоглазый мужчина крупного калибра. Он ухватил мою винтовку за дуло и рванул в сторону, так что выстрел бесполезным получился. Зегерс тут же замахнулся свободной рукой, а в руке у него германский широкий тесак. Я едва

успел ухватить его руку пониже локтя. Но белоглазый прибалтиец – жилистый как зверь, и дыхание в нем гуляет, словно ветер в бочке. Стал он меня пережимать. Нужно мне меры предпринимать экстраординарные, иначе убьет. Пнул его коленом в живот, а он стоит как столб и в ответ потчует меня локтем в физиономию, так что мои мозги поворачиваются набекрень. Приготовился уже Зегерс чикнуть меня своим тесаком, как вдруг голова его резко дернулась, глаза закатились, и весь он назад рухнул. А позади него оказался хорунжий Келарев, опускающий приклад своей винтовки.

– Хорошо я его угостил, – говорит.

А там и мне пришлось ухватить винтовку, точно дубину, и отделать двух интернационалистов. Прежде чем получить по кочану, нехристи эти вопили: «Verdammte Scheisse!»¹ Наконец латыши куда-то исчезали, а неподалеку появился ротмистр Суздальцев. Он с бодростью горного барана торопился вверх по склону, а за ним цепью, но поотстав шагов на пятьдесят, шли спешившиеся афганцы. Они постреливали, но вяло, будто хотели взять его живым.

– Сюда, ротмистр.

Суздальцев нас заметил, афганцы тоже – стали стрелять не на шутку, я видел облачка каменной трухи там, где пули лупили по скалам. А нам и ответить нечем: у Келарева два патрона, у меня один.

Все-таки пожалел местный Аллах бедного больного ротмистра – Суздальцев допрыгал до нас, и мы втиснулись в расселину. Не зря Келарев назвал эту дыру проходом. Поддувает приличный сквознячок – значит, имеется где-то вторая дыра. Лишь бы годилась по размеру для выхода.

Сгустилась тьма, шли мы на ощупь, а кварц своими острыми гранями пытался раскроважить нам пальцы. Похоже, афганцы не решились нас догонять, сочтя, что мы отправились в гости к шайтану.

Ротмистр Суздальцев в этом подземелье опередил меня. Бодрости ему не занимать – спереди доносилось его чуть хриплое пыхтение.

А потом руки перестали прощупывать узкие стены тоннеля, ветерок поменял направление, и стал поддувать откуда-то сверху. Вдобавок ко всему этому добавился шум падающей воды.

– У меня немного спирта осталось, – сказал напряженным горлом Келарев. В два приема он сообразил небольшой факелок и осветил подземелье. Открылись тут такие виды удивительные – хотя за годы войны, казалось, повидал я все, и все успело мне наскучить.

Попали мы в пещерный зал с высоченным сводом, а стены у него из разноцветного кварца и горного хрусталя. Откуда-то из-под самого свода, саженей с тридцати, извергался поток. Он наполнял озерко, а поскольку вода не залила до сих пор всю пещеру, куда-то она и вытекала.

Ко мне подошел радостный Суздальцев.

– Красота-то какая, – выдохнул он. – Но ОНИ рядом.

– Кто ОНИ?

– Зегерс и его латыши.

– Да он уже – верный труп. Ему Келарев башку расколол. Зегерс теперь может только в роли призрака фигурировать, как папаша Гамлета.

– Он жив и здоров, – сказал с упорством Суздальцев. – Он был убит ТАМ, но не здесь.

– Там, но не здесь?

– Представьте, что мы принадлежим сразу нескольким мирам – я, вы, Келарев, Зегерс с латышами.

Хорунжий Келарев в ответ на такие слова ротмистра выразительно постучал себя пальцем по лбу. Получилось довольно громко.

¹ «Проклятое дерьмо!» (нем.)

– Вы, господин ротмистр, кажется, учились в Петербургском университете? – уточнил я.
– Да-с, изучал физику с математикой. И хотя на действительной военной службе с мая пятнадцатого года – за плечами и Луцкий прорыв, – но с достижениями науки знаком.

– И достижения науки, позвольте спросить, имеют какое-то отношение к вашим словам насчет «многих миров»?

– Имеют, господин сотник. Например, теория множеств.

– «Множеств». Где-то я уже слышал это слово.

– Посудите сами, господин сотник, – стал с готовностью объяснять ротмистр. – Если один из миров пришел к концу, к термодинамической смерти, то вся вселенная, конечно же, не должна погибнуть вместе с ним. Из этого следует, что миров должно быть много. Каждый мир, в свою очередь, это множество объектов. Можно предположить, что может существовать множество объектов, которое принадлежит сразу нескольким мирам. Хотя бы потому, что природа экономна.

Я хотел было отмахнуться от нашего «мудреца», предложив ему вычислить объем и площадь поверхности пещеры, как вдруг из прохода, ведущего к пещере, послышался скрип сапог.

– Это ОНИ идут, – спокойно сказал Суздальцев. – Скоро мы найдем выход из этой пещеры, но еще раньше ОНИ найдут нас.

ОНИ или не они, а потревожиться надо. Я еще раз оглядел пещеру. Выше наших голов саженей на пять пещерная стена имела изъям, небольшой выступ. Сужаясь, он продолжался над озерком, а за ним втягивался куда-то в темноту, в расщелину, которая расколола кварцевую стену.

– Похоже, там есть выход, господа.

Первым вскарабкался Никита Келарев, ловко используя ногами любой выступ в скале, потом Суздальцев. Келарев протянул ему руку и втянул на «мостик». Я лучше приладил винтовку и собрался было проявить ловкость необыкновенную, как вдруг из прохода вышел Зегерс – с кровью в уголках рта, но вполне дееспособный и с красным отсветом в белых чудских глазах. Вместе со своим командиром появилось еще пять латышей с факелами.

Я стрельнул, но смазал – и полез наверх, надеясь только на мрак. До выступа добрался в мгновение ока – страх будто приделал мне перья – и, как мадам Кшесинская на пуантах, двинулся в сторону расщелины. Балет едва не закончился, когда латыши пристрелялись по мне. На мое счастье, пещерная стена образовывала здесь изгиб вроде контрфорса – и он охотно прикрыл меня. Однако и латыши стали с обезьяньей ловкостью карабкаться вслед за мной; мне даже показалось, что их ноги оснащены когтями. Нет, от таких летучих обезьян мне не удрать.

Я замер за «контрфорсом», чтоб не стать легким трофеем, и слушал, как приближаются интернационалисты. Они-то были спокойны, словно хищные звери. А у меня сердце колотится, как у суслика, стыдно даже.

Вот из-за «контрфорса» неосторожно высунулось винтовочное дуло, да еще со штыком. Я – хват рукой, веду его вниз и дергаю вбок; латыш шумно падает в пещерное озеро. Следующего преследователя награждаю зубодробительным ударом, попутно отклоняя в сторону длиннющий маузер. Но тут за меня взялся интернационалист Зегерс.

Силен белоглазый дьявол – взял меня за горло, давит, а я, как ни потчую его боксерскими ударами, отвалить не могу. Делаю руками замок, пытаюсь разомкнуть его захват поворотом вбок. И в итоге мы оба вместе в воду летим. Студеная, мерзлая она, а Зегерс все еще держит меня, словно Прометей прикованный, и тянет, как болванка, вниз. Молочу я руками и ногами, призываю силы небесные на помощь – а они не торопятся. Может, у них чай или полдник. Через десять минут закончат и придут на помощь. Только мне сейчас дышать хочется!

Под руку попадается какой-то камень, я что есть сил прикладываю его к голове Зегерса, а он меня все равно не пускает. И уже ни сил, ни воздуха в запасе. В груди, под гимнастеркой,

дрожит остаток моей жизни. Он похож на клубок, из которого лезут нитки – один, другой, третий конец. Клубок разматывается и разматывается...

2

Кажется, я схватился за одну из этих нитей. А это уже не что-то тонкое и узкое. Играет свет и тень, и вот уже готов коридор из мощных лучей. Лучи окружены ореолами, которые рождают новые пучки лучей. Свет несет меня быстрее, чем ураганный ветер осенние листья и былинки. С полминуты ничего не видно, кроме сияния. Наконец оно стало спадать...

Я лежал на берегу узкой горной речушки, плещущейся и булькающей в каменной теснине. Живой я, живой и даже довольный. Есть за меня заступники и молельники, оттого и бог миловал. Сел я, а окрестности плывут перед глазами, словно танцуют. Не сразу угомонилось и утряслось мое «мировоззрение». Наконец эти танцы прекратились, и тогда я, пошатываясь, попытался встать на ноги. А это еще что за маскарад?

Я был облачен во вполне приличную, хотя и мокрую гимнастерку странной пятнистой окраски. Шаровары совсем не похожи на те лохмотья, что прикрывали меня прежде. И сапоги новые хромовые – совсем не те чувяки, что еще пять минут назад отчаянно просили каши на моих ногах. И в теле какая-то сила, даже сытость, которой я давным-давно не ощущал. Мои собственные плечи притянули внимание своим золотым отсветом, глаз стал косить на погоны – как, я уже ЕСАУЛ? Впрочем, это чудо меня вполне устраивает...

Я, видимо, сильно ударился головой о что-то твердое. Давай-ка вспомню самое главное. Родился я в 1896 году от Рождества Христова в станице Кисловской Оренбургского казачьего войска. Так? Так. Когда мне было десять – не стало маменьки. Отец был тогда на воинских сборах, а мать ушла косить сено и не вернулась – наверное, звери разорвали. Есть у меня братишка и сестренка. Отучился я в Оренбургском юнкерском казачьем училище. А дальше что? Дальше как будто сквозь закопченное стекло смотрю. Началась война с немцами? Было это или нет? Три года тяжелой войны, где нас секли пулеметы и рвала картечь. А уронили ли кадеты российский скипетр и державу, издавали ли Троцкий с Лениным свои декреты, соблазнившие простонародье? Было то или не было? Расстреляли ли моего батьку красные в счет неуплаченной станичниками контрибуции? Наступал ли я на Астрахань и Царицын под началом атамана Дутова? Видел ли на снегу порубленных и раздетых казаков, болтались ли на веревках продотрядовцы? Удирал ли я от интернационалистов через весь Туркестан, словно вор последний? БЫЛА ЛИ Манечка, Мариам, которая прятала меня в сарае, когда красные искали наших на улицах Бухары?

Или нет? Ничего этого не было. Какие революции, какие большевики, что за фантазии декадентские? Я набрался таких ужасов у какого-нибудь петербургского литератора, у Андрея Белого, например; они мастера на это дело, эти их налево. Начитался на ночь, потом выпил водки и увидел страшный сон.

Я родился в 1896 году от Рождества Христова, но только не в Оренбуржье... а в станице Чистоозерной Сибирского казачьего войска. Матушка моя жива до сих пор. Хотя ее однажды украли немирные киргиз-кайсаки, но потом отбил казачий разъезд. Учился в Омском казачьем училище. И никакой мировой войны с германцами не случилось. В конце-то концов, чего нам с ними делить, если наши императоры в родстве состоят? Не Балканы же? Балканы – наши уже пятьсот лет, с тех пор как Русь и Византию счастливо соединила уния. Русские полки в славном 1453 году помогли кесарю Палеологу загнать османов обратно в пустыню. А византийский флот помог удушить кровопийное крымское ханство. И потянулись русские крестьяне с холодного междуречья Оки и Волги в Малую Азию, виноград выращивать. И поплыли флотилии, возглавляемые знаменитым кормчим Афанасием Никитиным, на славный своими богатствами Восток. Так ведь написано в учебнике истории.

А вот у немцев с французами другое дело, глубокая неприязнь. Немцы в 1914 году крепко вломили с помощью своей «вращающейся двери»² и французам, и британцам заодно. У побитой Франции забрали Фландрию и этот самый, как его, Франш-Конте, а у англичан – Южную Африку, Судан и Египет впридачу. Во Франции после такого позорища пришли к власти «новые галлы», истинно национальное движение. Они сколотили крупные военно-промышленные тресты, потихоньку от немцев вооружили до зубов армию, выгнали всех евреев. Германия сейчас дрожит перед Францией, ждет расправы. А в потерпевшей унижительное поражение Британии победили на выборах социалисты-трудовики. Они повесили короля за преступления династии Виндзоров – за голодную смерть миллионов ирландских крестьян и все такое прочее. Еще конфисковали имущество английской буржуазии – за разграбление Индии, приведшей к гибели 36 миллионов тружеников Индостана. Ну и в 1922 году создали Союз Британских Советских Республик на месте Британской империи – говорят, не без помощи нью-йоркских банкиров, которые таким образом устранили британских конкурентов.

Сейчас столица Советско-Британского Союза в Бомбее, потому что англосаксонские графства, которые не хотели платить народам Африки за преступления английских работорговцев, воссоединились с Германским рейхом. А правит брито-индийскими пролетариями генеральный секретарь Всесоюзной трудовой партии, председатель Верховного совета махатм, самый главный махатма – Ганди. Под знаменем пролетарского интернационализма гандисты принесли революцию в Китай. Сейчас там народная демократия.

Зато в Российской восточно-римской империи, в Великой, Белой, Малой, Червонной Руси, в балканских и малоазийских владениях России не случилось никаких бунтов и революций. Купцы пользуются господством русского флота на морях—Балтийском, Черном и Средиземном. Крестьяне осваивают месопотамскую целину. Дворяне превратили свои земли, унаследованные от воинственных отцов, в образцовые хозяйства. Кесарь Николай, восстановив древнемосковский Земский Собор, почил в бозе в восемнадцатом году и упокоился, как и его венценосные предки, в соборе святой Софии в столице нашей – первопрестольном Константинополе. Сейчас счастливо правит его сын Алексей. Мы снабжаем зерном всю полуголодную Европу и даже Америку, российские автомобили с рижских автозаводов завоевали кошельки и сердца обывателей по всему миру. Между прочим, в правительстве есть даже один еврей, министр финансов Лев Давидович Бронштейн. Министр он, конечно, не ахти, рубль уж не так свободно обменивается на золото, но никто нас не может теперь попрекнуть антисемитизмом.

Я, втянув вечерний воздух словно бы до живота, вобрал в себя заодно весь оком – бледно-розовые тона небосвода, зубастый оскал горной гряды, сочную зелень горных лугов, поглядывающих на небо голубыми глазками васильков. Красотища-то какая!

И вдруг грохнуло, надо мной пролетел трассирующий снаряд, который разорвался где-то за высотами на юго-востоке.

Елки, так мы же воюем с Союзом Британских Советских Республик, с брито-индийцами, с гандистами этими! И с их союзником—Народным Китаем. Российская восточно-римская империя бьется на огромном фронте, проходящем через Месопотамию, Персию, Афганистан, Северо-Западную Индию, киргиз-кайсацкие степи, Монголию, Приамурье. Тысячи километров фронта. Плюс еще гандисты произвели возмущения среди наших татар и башкирцев, а китайцы науськали на южносибирское пограничье не только киргиз-кайсаков, но и бухарцев. Но это нам, конечно, нипочем – русские в серьезном деле еще никому не поддавались, да и к тому же во главе войска стоит лично Его Святое Величество кесарь Алексей. Хотя достойно жалости, что мы в свое время, увлекшись освоением Балкан, Малой Азии и Месопотамии, отдали китайцам киргиз-кайсацкие степи и Фергану, куда наши предки отважно проникали еще в восемнадцатом веке.

² Так немецкие офицеры именовали стратегический план Мольтке-и-Шлиффена.

Над долиною, где я предавался приятным и неприятным воспоминаниям, резанули воздух еще несколько снарядов. Они бубухнули за юго-восточными высотами. Потом я заметил вспышки пламени и на самих возвышенностях – это ответили располагавшиеся там батареи. Надо мною разворачивалась артиллерийская дуэль, и обе стороны по нарастающей потчевали друг друга фугасами. Рассудив, что наши войска должны находиться где-то в северо-западной стороне, я двинулся туда. Раз так, пришлось взбираться по заросшему кустарником и жесткой травой склону внушительной крутизны. Запыхался изрядно и уже не хотел никуда идти, и тут —остановка по вполне естественным причинам. Прямо в мой пуп уткнулся со всей внезапностью винтовочный ствол. Осталось только поднять глаза и руки. Передо мной стоял казак с как будто знакомым лицом и в выцветшей гимнастерке, а рядом еще несколько русских воинов. Видимо, напоролся я на передовой пост.

– Ты с винтовкой осторожнее, они ж стреляют иногда, – предупредил я.

– А ты пароль говори, – строго и даже обиженно отозвался казак.

Какой пароль? Я должен знать пароль?

– Братцы, а может, меня контузило?

Братцы не посочувствовали и снова потребовали пароль, обильно снабжая речь нотой «МЛЯ».

Сейчас-сейчас. Надо ухватиться за какую-то цепочку воспоминаний. После окончания Омского казачьего училища меня послали на Кулундинское пограничье. Так? Тогда как раз в Китае победила пробританская «желтая революция», и пошли одна за другой провокации со стрельбой на границе. Ключнула и меня пуля возле Кучукского озера. Потом служил я во второй казачьей дивизии, усмирявшей башкирцев, которых взъерепенили гандисты. Далее тянул лямку в казачьем полку кавалерийской кавказской дивизии, что воевала под Ведено против немирных ичкерийцев, опять-таки снабженных брито-индийским оружием. Там получил отметину от пули из браунинга. И вот уже год, как я в казачьем полку второй гвардейской кавалерийской дивизии. В составе группы армий «Юг» она прошла с боями из Семипалатинска до Пянджа и сейчас пробивается через Бадахшан в брито-индийский Кафиристан, нацеливаясь на центральную Индию с севера. Сегодня я в разведку ходил. Но, если я ходил в разведку, то где тогда мои товарищи, где оружие?

– Ну-ка, руки исправно вверху держи и не балуй тут, – сказал стоящий передо мной казак. – Господин урядник, кажись, шпиена поймал.

Ага, вспомнил пароль. Был он означен в том самом пакете, где задание лежало. «Афанасий Никитин».

– Афанасий Никитин. Говорил же, что меня контузило. Урядник, смягчившись, велел казаку, державшему меня под прицелом:

– Пантелеев, сопроводи господина есаула до штаба. Ему и в самом деле что-то на голову упало.

Вот и конец блужданиям. Я с сопроводителем поднялся на вершину холма и стал спускаться в соседнюю долину. На склонах и в низине везде располагались войска. Я быстро узнавал их. Отборное воинство империи: первый корпус группы армий «Юг».

На склонах стояли бивуаки гренадерских полков, ниже конногвардейцы седлали своих холеных коней. Еще ниже белыми цветами раскинулись шатры второй гвардейской пехотной дивизии. А дальше полоскались на ветру штандарты финляндского батальона, далеко же занесло от родных шхер крепышей-чухонцев. Рядом с ними—лейб-гвардии атаманский полк, вон примечаю бунчук, а рядом гарцуют мощные караковые и буланые кони. Не сразу и поверишь, что атаманцы забрались в эту пустынь. Чуть выше располагалась гренадерская артиллерийская бригада, ее гаубицы и вели сейчас обстрел. Вот у них разорвался вражеский снаряд, принесся злосчастье. Было видно, как подбегают сноровистые санитары к раскиданным возле воронки телам. Тянется на высоту конно-горная батарея. Поднимаются по тропам, скаплива-

ются на вершине егеря и донские казаки. Кажется, готовится наступление корпуса через соседнюю долину – на ту самую господствующую кручу, с которой ведут обстрел гандисты.

Казак Пантелеев довел меня до штабной палатки.

– Дальше вы, ваше благородие, сами. Голова-то ничего теперича?

– Теперича это не голова, а чугунный котел. Ему – ничего. В палатке меня ждал войсковой старшина.

– Ну, наконец-то, и вы, есаул. Вахмистр Келарев и хорунжий Иловайский давно уже вернулись.

– Они живы... то есть здоровы?

– Не извольте волноваться, живы-здоровы, только вот переживали, что потеряли вас на западном склоне. Так, что вам угодно сообщить?

– Я хотел доложить... что на западном склоне есть проход, сквозной. Мы могли бы атаковать противника с неожиданной стороны.

– Позвольте усомниться. Вы что, там действительно прошли?

Как же ответить? Это было в другой жизни.

– Мне кажется, необходимо повторить разведку, господин войсковой старшина.

– А у нас на это времени нет, ставка требует начала наступления. У них свои расчеты. Так что возвращайтесь в свою сотню.

Когда я вернулся к своим, у меня и пары минут не было, чтобы пообщаться с Келаревым и Иловайским. По телефону поступил приказ из штаба: «По коням».

Противник нас заметил, когда мы еще переваливали через высоту, поэтому стал «привечать» шрапнелью, правда с недолетом. А в долине нас ждали пулеметы. Когда до врага осталось с полверсты, кони пошли рысью, однако разрывы снарядов и пулеметные плети всюду уже секли и драли нас.

Я уже вижу усы и бороды вражеских артиллеристов, значит, пора.

– Взводными колоннами – марш.

А когда перестали прикрывать нас хилые деревца, то клинком показал, чтобы сотня рассыпалась.

– Пики к бою, шашки вон, в атаку – марш.

И конная лава пошла наметом. Ветер словно раздувал меня и исторгался назад ревом ярости. Я видел, что стальной ветер кромсает кавалерию, слышал, как вопит сам воздух, рассекаемый пулями и шашками. Не знаю, сколько наших уцелело, когда мы доскакали до вражеских линий, но ярости накопилось в нас предостаточно. Рубанул я с длинным потягом – и клинок развалил кости пулеметчика. Еще раз опустил клинок и раскупорил чей-то шлем вместе с черепом. И пошла жатва, казаки начали рубить вражескую пехоту, бросившуюся бежать из неглубоких окопов.

В уши ворвался нарастающий визг. На нас, вниз по склону, неслась брито-индийская кавалерия под знаменами со свастикой, тьма-тьмущая.

Их передняя цепь ощерилась пиками, одно острое направилось прямо мне в грудь – едва успел отклонить древко ударом клинка. Вражеский кавалеристикх отбросил пику, быстро развернул коня и снова наехал на меня. Я сделал ложное движение, как будто для удара сверху, но закрутил клинок и кольнул неприятеля под черную бороду. Из пробитого горла хлестнул прямо в меня фонтанчик крови.

А потом напало на меня еще двое в красных тюрбанах. Одного я ссадил выстрелом в лоб, другой сам ударил в меня из длиннствольного револьвера. Конь мой взвился на дыбы и заслонил от пули, но затем рухнул вместе со мной. Заслонил он меня и второй раз, когда я стрелял по второму вражескому кавалеристу – тюрбан был хорошей мишенью.

С трудом я освободился от стремян и мертвой конской туши, еле встал на ноги... и вовремя обернулся. Еще один! Оскаленный рот хрипит, а глаза белые... как у Зегерса. Сви-

стит его кривой клинок, который я пытаюсь отбить своей шашкой. От стали летят осколки, отдача ударяет в грудь. Хватаю противника за запястье опустившейся руки и дергаю вниз. Он не падает, но склоняется достаточно низко, чтобы я мог ударить его кинжалом, добытым когда-то в Ичкерии.

Конь уволакивает тело врага – нога его запуталась в стремях. И более никого вокруг. Не видать ни своих, ни чужих. Только дым, сгущенный пылью, стелется над землей. Надо отступить, или же мы заняли позицию? Не замечаю ни одного живого человека, ни русского, ни гандиста поблизости, лишь мечутся и храпят осиротевшие кони без седоков.

Затем земля вздыбилась рядом со мной, но звук не успел достичь моих ушей. Что-то важное и непонятное произошло раньше. Жизнь моя вновь превратилась в клубок пульсирующих нитей. Я ухватился за одну из них, а потом свет подхватил меня и понес к зареву нового мира.

3

Накрапывал мелкий дождик. Набирал силу ветерок, зябь кралась по спине. Я оперся на руки, потом с тяжким кряхтением поднялся на колени, покачиваясь, словно пьяный. И наконец встал в полный рост. Вокруг была все та же долина, затерявшаяся среди гор Бадахшана. Только ни храпящих очумевших лошадей, ни разбитых орудий, ни трупов в разодранных и окровавленных гимнастерках. Не слышно ни орудийного грохота, ни пулеметного тарахтения. Под низким набрякшим небом не свистит шрапнель. Долина показалась мне более зеленой и ровной, чем раньше – словно и не было здесь артиллерийской пахоты.

Сколько же я пролежал и куда ушли войска? Что-то непривычно давило на горло. На мне был длинный высоко застегивающийся халат. На голове – круглая шапочка, ноги вдеты в войлочные сапоги. Это что за азиатский наряд? Подобную одежду я видел только на важных монголах, которые проезжали через нашу губернию в сторону Москвы... Куда же ушли войска, где моя сотня, почему не работает артиллерия?

А на какие улусы делилась империя монголов после кончины хана Чингиса? Хорошо, буду ставить себе нелепые вопросы и неправильно на них отвечать – иногда это полезно для снятия напряжения. Вот иду и задаю себе дурацкие вопросы. Иду на восток, потому что все равно не знаю, куда идти, а великие путешественники всегда шли на восток.

Хубилаев улус в Китае и Монголии, улус Чагатай в Центральной Азии, улус Хулагу в Азии Передней и улус Джучи, простиравшийся на южную Сибирь и часть Руси. А Батый – у него что, не было даже своего улуса? Бедный неприкаянный Батый. И куда он пошел с Субудаем и Бурундаем после разорения Руси? Кажется, еще разбил европейское рыцарство на границе Польши и Германии, а потом ему надоело побеждать, и он вернулся к своей бабушке в Каракорум.

Уже версту я одолел, а все меня Батый не отпускает. Почему он после погрома Руси не отправился дальше, вглубь Европы, коли никто ему всерьез противостоять не мог? Почему все только нам, русакам – и монгольские набеги, и татарские баскаки, и Неврюева рать, и Дюденево разорение.³

За большой черной глыбой нашел я сивую вьючную лошадь с фуражными торбами по бокам и большим туго набитым мешком, прихваченным ремнями к ее спине. Надобно посмотреть. Отвязав мешок, уронил его на землю – а он как завопит! Никак человек внутри, и глотка у него луженая.

Человек оказался женщиной слабого телосложения, да еще со связанными руками. Выудил я из-за пояса кривой нож и перерезал веревку, ожидая благодарствия за избавление от пут.

Освободившимися руками женщина слабого телосложения сразу ударила меня по физиономии, едва глаз не вышибла. Вот так благодарствие – второй раз не надо. Пока я в чувство приходил, она куда-то бросилась, между камней петляя, подобно напуганному зайцу.

Ну, сейчас тебя! Срезал путь, перемахнувши через каменную кучу, догнал. Пришлось и кулаком даму гвоздануть, чтоб не вонзила острую свою коленку мне в чресла. Отведав моего кулака, упала бедная ничком, а я ремень приготовил, чтобы снова ей руки связать. И тут молвит она голосом тихим и мирным:

– Полно, не сбегу я от вас, господин.

Одежда азиатская, но чертами лица – уроженка Запада, а говорит на языке... Тартара. В голове у меня словно вскипело все, и я стал вспоминать.

³ Герой вспоминает походы татаро-монголов на Русь 1252 и 1293 годов.

В 6750 году от сотворения мира перенес лютый хан Батый свое становище на развалины города Парижа и назвал оное – Сарай. Кочевые же айлы разбрелись по полям Прованса, Лангедока и лугам прирейнским. Была Европа да кончилась, стал вместо нее Тартар, и жители ее теперь были тартары.

Минуло сто лет, и потомок батыев Булат, прославленный как Синяя Борода, не признавши власть Великого Хана Монголов, что сидел в Каракоруме, объявил себя владыкою Тартара. Триста лет еще Тартар служил местом кочевий, ибо тартары поля затаптывали, городовые стены срывали, деревни и замки ровняли с землей, леса выжигали, обращая в степь, всех непокорных мужеского рода убивали нещадно, а женский род умыкали в свои кибитки. Но умножились тартары в числе, и земли уже не хватало для пастбищ. Мурзы и беки сажать стали «карасу»⁴ на свою землю, чтобы утруждались те земледелием, платя ясак и прочие подати. Тартар разбился на множество улусов, ханств, эмиратов и султанатов, среди которых засиял Франгыстан.

И воспользовалось усобицей в Тартаре прежде неприметное Московское княжество, единственное место на всем свете белом, где сохранилась, просиянна, Вера Христова, и где по сей день пребывают святые престолы папы римского и патриарха константинопольского. Княжество, укрываясь за лесами от тартаров и монголов, стало преуспевать и земли свои ширить, покоряя мечом ханства и эмираты окрест себя.

Но родился под кровавой звездой в сердцеvine Тартара султан Виллизад, злочестивый и жестокий. Оный правитель стал править во Франгыстане, скрепил под своей мощной рукой все западные улусы и начал приготавливаться к великому походу на княжество Московское. Попутно сей Виллизад запросил помощи у Монголистана, чтобы ударил оный со своей стороны на Москву. И за то султан собрался одарить Великого Хана Монгов, поскольку без подарков богатых на Востоке ничто не делается. Должен был прислать султан и злата, и серебра, и изделий искусных. И прелестниц светлоглазых обещал он прислать сластолюбивому Великому Хану и его воинам.

Тогда замыслил мудрый московский князь стравить султана с Монголистаном. Потому пошел на хитрость: послал человека к Великому Хану – отвезти ему подложную грамоту-ясу султана. А в той грамоте черным по белому было писано, что хочет Виллизад взять рукой мощной все земли мира и распространить Тартар от одного великого океана до другого великого океана, понеже он есть самый прямой потомок Чингиса, Бодончара и Небесного света, а в прочих ханах течет собачья кровь.

Подложная грамота смотрелась яко настоящая, потому что скреплялась она подлинной печатью Виллизада, что была выкрадена московским лазутчиком из султанского дворца.

А еще велел князь московский своему лазутчику похитить в Тартаре упыря женского пола и также доставить к великому хану, дабы знал тот, каковых «прелестниц» подарит ему и его воинам султан Виллизад, коварно втираясь в дружбу.

Погоди. Это же я – казак Сенцов, лазутчик, должен доставить Великому Хану подложную грамоту и упыря. А назовусь я ему мурзой Ахматом из Тартара. С грамотой как будто все в порядке, только найти ее еще надобно, она же в седельной суме, а сума на лошадке Каурке, а Каурка черт те знает где. Но что с девкой-то из мешка делать? Упырь ли она всамделишний или недоразумение случилось?..

– Так что за расправу кулачную прости, – говорю я ей, – но постарайся быть послушной и радивой, тогда и будет тебе хорошо. А сперва нам с тобой лошадей собрать надо. За вьючной вернуться и ездovou сыскать.

Встала она и пошла следом, послушная и радивая, только вот вопрос каверзный задала:

– А почто, тать ты окаянный, выкрал деву благородную?

⁴ «Черная кость», рядовые кочевники.

– Не вижу благородной девы.

– Я, Гюль де Шуазель – дочь эмира Саламбека де Шуазеля.

– Было известие, что в женской башне у эмира Саламбека живет ведьма, исчадие шайтана Иблиса. Ее я и выкрал. Однако и ошибка могла случиться... ну, поскольку темно было в башне, тьма кромешная.

– Ошибка случилась! И ты молвишь это так спокойно? – голос Гюль стал визгливо-птичьим. – И где я оказалась из-за твоей «ошибки»?

– Мы на высотах Бадахшана, что неподалеку от Индийских земель.

– Индийских земель? Где под ногами лежат яхонты и обитают песьеголовые люди?

– Ты еще забыла про людей совсем без головы.

Она прилежно зарыдала, прижавши щеку к мрачному граниту скалы. Выючная лошадка с удивлением скосила свой сиреневый глаз.

Каурка лишь к полудню нашелся, когда солнце вовсю напекло камни, среди коих пытался он вкусить травинки. Перво-наперво проверил я, на месте ли подложная грамота в седельной суме. Потом выючную лошадь оседлал для пленницы, дабы облегчить ей тяготы пути. Едва затянул подпругу, как девица взлетела в седло Сивки и схватила камчу. Да только поводья уже лежали в моих руках, со мной не выйдет шутить. Привязал я Сивку к седлу Каурки и повел их в гору.

– А я туда не желаю, – сказала плаксиво Гюль.

– И я не желаю туда. Мы все не желаем.

Однако, покорив Индийскую землю, идет Великий Хан походом на север. И мне надо во что бы то ни стало остановить его, подумал я.

Путь наш пролегал теперь по самому краю ущелья. Вдруг толкнул меня Сивка, сшибся камень под моей ногой, я и вздохнуть не успел, как повис над глубоким обрывом, держась за поводья. А лошаденка хлипкая, давно силы порастратившая, и копыта у нее скользят на щебне. Как сверзится Сивка, так и Каурка не выдержит, упадет вместе с девкой.

– Живи как-нибудь, – крикнул я ей и отпустил поводья. Не слетел отвесно вниз навстречу дну, а заскользил по склону. Но таково лишь мучительнее было. Острые камни кромсали халат, бешмет и рубаху, добираясь до незащищенного тела. Только чахлое деревцо, проросшее между глыб, задержало меня, прежде чем стряхнуть вниз.

Дно ущелья густо заросло жестколистными смоквами, их ветви смягчили мое падение.

Когда вынул лицо из сухой листвы, то перво-наперво увидел копыта нетерпеливо переступающей лошади. И так она ногами перебирает, что сразу видно – не усталая. Какая же сбруя у нее богатая, самоцветами и позолоченными бляшками украшенная! Чепрак расшит серебром и золотом, стремяна серебром окованы, грудь оборонена броней с узорчатой насечкой. Всадник, сидящий на лошади, изряден телом и облачен в красивый доспех из подвижных пластин, именуемый «четыре зеркала».

Иного оружия, кроме осыпанного драгоценностями кинжала и небольшой булавы, у всадника нет, будто полагается на какую-то иную защиту. А личина шлема у него поднята, отчего виден нос с хищно вырезанными ноздрями и большие раскосые глаза. И нет благолепия на челе его, чем он разнится весьма с моим князем.

Знатен был сей всадник, и окружала его большая вельможная свита. Вся в богатых доспехах с золотой насечкой и шишаках с красными яловцами наверху. За свитой стояла дружина конных латников с длинными пиками.

Отчего-то взбрело мне сейчас в голову словцо «пулемет». Хоть и забыл я, что оно означает, однако почувствовал полезность этого пулемета при встрече с таковой силищей.

– Что-то пало на землю перед носом моего коня. Наверное, слива, – молвил знатный всадник.

Кто-то из свиты крикнул мне:

– Перед тобой нойон Джебе, темник, правая рука и младший брат Великого Хана, да хранит его Небесная Сила и милость Аллаха.

– Аллах всемилостивый, сохрани владыку Джебе, дай здоровья его жилам и членам, пусть украшает Монголистан во веки веков, яко яркая звезда. Да примет великий владыка то, что я доставил ему издалека.

– И что же ты доставил мне издалека? Сундук, набитый брильянтам, яхонтами и другими драгоценными камнями?

– У раба Твоего Могущества есть многозначительные сведения о тайных желаниях и намерениях султана Франгыстана. Господин, прошу, выслушай меня с благоволением. Султан Виллизад, ложно прося союза, подлинно готовит нападение на Великого Хана и объявляет себя единственным наследником Чингиса и Бодончара. Да сгорит мой дед в могиле, коли я солгал. Нойон Джебе сразу помрачнел, и из глаз его выглянула смерть.

– Я сейчас велю рассечь тебя, аспид, на сто равных частей. – сказал нойон.

Сто частей, почему так много? И можно не сомневаться, что будут они действительно равными – палачи в восточных улусах знают свое дело.

– Что ты, червь, можешь показать в подтверждение своих дерзких слов?

– Прости меня, великодушный владыка, но сейчас ничего. Мне нужно найти своего коня, а в его седельной суме лежит яса султана Виллизада. Еще потерялась ведьма, дочь Иблиса, одна из тех, коими владыка Франгыстана хочет прельстить ваших нукеров.

– А парочка джиннов у тебя не потерялась? – по мясистому лицу нойона, как ящерица, поползла усмешка.

– Повели, господин, обыскать местность над этим ущельем.

– Ты мне приказываешь, собачий кал? Значит, это я теперь недостойный раб, а ты мой господин?

Ближний к нойону воин потянул кривой широкий клинок из ножен. Уже окрылилась душа моя, готовясь отлететь – молитесь за нее, святые заступники. А я ведь с самой Пасхи не исповедался, не постился, ел пищу срамную...

Булатный клинок охотно вышел из устья ножен. Нукер улыбнулся, показывая, чтоб я не боялся – он убьет меня быстро.

– Вы, восточные монголы, заносчивые и высокомерные нравом. Никогда вам не совладать с султаном Виллиза-дом, – дерзко заговорил я, понимая, что, скорее всего, обрекаю себя на страшные пытки: медленное раздавливание камнями, скармливание крысам или раздирание железными крючьями.

Джебе-нойон раздул ноздри.

– Что ты хочешь сказать, червь?

– И самый приближенный к тебе воин, о могучий повелитель, не выстоит в бою против меня, простого ратника из западных улусов.

Нойон куснул губу, видимо, от избытка гнева, и что-то приказал воину, уже обнажившему клинок. Тот покинул седло своего рослого коня и встал на землю, играя могучими мышцами.

– Осилишь моего батыра в поединке – значит, Аллах благоволит тебе. Тогда велю я обыскать здесь каждую щель и рытвинку, – сказал нойон. – А не осилишь – мои воины сдерут с тебя кожу: вначале с рук, потом с ног, потом со спины и так далее. Понял, да?

– Чем же мне сражаться, господин?

– Коли ты простой ратник, так бейся дубиной.

И мне швырнули в руки ствол тощенького дерева, какое только что срубили секирой.

– Тебе жить не больше того времени, что потребуется птичке погадать, – шепнула мне какая-то ехидна из числа свиты.

Уже первые удары неприятеля выказали руку опытного бойца, твердую и сноровистую. Бились мы подле самой стены ущелья. Воин монгольский рычал как пардус голодный и пытался загнать меня к крутояру, чтобы не смог я махать своей жердью. Я же, милостью божьей, несколько раз проскакивал у него под рукой. Если бы не смех свитских, наверное, подождал бы воин, пока ослабею я.

Но поторопился монгол и, резко шагнув вперед, нанес прямой удар. Отклонил я его клинок, и оказался он столь близко, что горячая его слюна брызнула мне на лицо. Ухватил я его за выставленную вперед правую руку, дернул к себе. Отчаянно так дернул и, подставив бедро, приемом горицкой борьбы оторвал монгола от земли да и направил в скалу. Батыр, ударившись о камень, словно птица с лету, стал тихим и безвредным.

– Удачлив ты в бою, – сказал недовольный нойон, – но только знаешь ли ты, что на каждого вашего воина приходится по двое наших? Ведь в восточных улусах мужчины нетерпеливы, как козлы, а женщины плодовиты, будто кошки.

Джебе махнул рукой, и всадники разъехались в стороны, открыв путь огромному пешему воину с секирой. В белых нездешних глазах гиганта читалось желание изрубить меня на малые кусочки. Он выставил одну ногу вперед – толста та была настолько, что похожа на ствол древесный – засим отклонил широкое туловище чуть назад, и яростная секира рассекла воздух справа налево и слева направо. Затрепетало тут мое сердце, убоился я и зашатался от страха.

– Ты проживешь не больше того времени, что требуется собаке пролаять, – опять шепнула ехидна из числа свитских вельмож.

Неожиданно раздался шум и топот конских копыт. Несколько монгольских всадников, видимо, из дозорного разъезда, подскакали к нойону, а с собой вели они двух моих лошадей. Через луку седла у одного нукера была перекинута Гюль де Шуазель.

Я подскочил к Каурке и выхватил из седельной сумки грамоту, чтобы немедленно вручить ее нойону. Он прочел ее сам, без помощи слуг, и губы его почти не шевелились при чтении.

– Сочтем, что ты оказал нам услугу великую, – сказал Джебе, оторвав глаза от свитка, и поискал взглядом девицу. – Ну-ка, покажите ее.

Один из нукеров тотчас сбросил Гюль на землю, другой поставил на ноги.

Губы нойона скривились, показывая пренебрежение к чахлым прелестям Гюль.

– Нехороша и противна. Чем прельщать-то будет? Пусть покажет нам сейчас свое злое искусство.

– О, милостивый господин, силы зла просыпаются в ней только с приходом тьмы.

– Тогда разделит ночь вот с ним. – Джебе ткнул пальцем, украшенном многими перстнями, в воина-гиганта. – Славен он подвигами ратными на поле, пусть теперь на ложе посражается. Коли все случится сообразно твоим словам, отпущу я тебя, а ее казнию злой смертью, разорву конями на части. Если не случится – подохнешь вместе с ней.

– Господин, когда правдивость моя подтверждение получит, вели отпустить ее со мной вместе.

– Ай, какой добрый, – причмокнул нойон. – Хорошо, ты станешь пищей для упыря.

А у девицы очи ясные, невинные, словно бы укоряющие, и лик будто ангельский. Ну какой из нее упырь?

– Сейчас садись, посланец, на свежего коня. А воин, которого ты посрамил, следом побегит, как собака, – велел нойон. – Девицу же возьмет тот, кто проведет с ней ночь жаркую и битву любовную.

Вслед за свитой нойона выехал я из зеленого ущелья на каменистую равнину, знойную и скучную. Здесь бодрые кони пошли рысью. Солнце было еще высоко, когда серая пустыня неожиданно расцветилась разной пестротой. Как будто зверь огромный перевернулся на лысую спину и показал клочковатый живот. Не сразу и поймешь, что это шатры, юрты, кибитки, стоит

здесь станом войско великое. Когда подъехали ближе, уже за вечерело, и весь стан озарился огнями кострищ и факелов, а некоторые шатры оказались высокие и просторные, как терема.

Более я Гюль в тот день не видел – ее забрал ее в свою юрту гигант с секирой.

А меня два воина взяли за руки и сбросили в яму глубокую, в земле посидеть. Никто яму не сторожил, впрочем, и выбраться из нее не было возможным.

Ближе к утру холод схватил меня за каждую жилку, за каждую косточку, и всякая внутренность будто заледенела. Но с зарею в яму опустился сыромятный ремень, и по нему выполз я наружу. За краем поджидало меня несколько нукеров с лицами, выражающими пока неведомую мне волю властелина. Не знал я, что мне сейчас уготовано, останется ли моя голова сидеть на плечах, ино покатится горемычная – окроплять кровью бесплодные камни.

Мимо затухающих костров и спящих еще воинов проведен я был до края стана, где стоял зоркий дозор. Там били копытами и махали хвостами мои лошади, отдохнувшие и сытые – на Сивке сидела девица де Шуазель. Узнал я ее по хрупким плечам, хотя лицо было закрыто тканью. Поскорее взобрался я в седло своего верного Каурки.

– Дочь Иблиса высосала из батыра все соки. После умертвия стал он похож на дохлую ящерицу, зеленый и сморщенный, – сказал с уважением в голосе один из воинов. – Наши старухи растирали его мазями и поливали снадобьями, но дух жизни уже не вернулся в его жилы и члены. Не смогли они сыскать и отверстия, через которые дочь Иблиса нашла вход в тело батыра. Неужели в западных улусах все девы и женщины подобны ей?

– Остальные девы и жены еще хуже – их злые свойства не дремлют даже при свете дня.

Воины сопроводили нас до края долины, а дальше, через ущелье, мы отправились одни. Спутница была молчалива и лишь иногда поворачивала голову в мою сторону.

Наконец Гюль открыла лицо и сказала:

– Устроим же привал, и я залатаю твою одежду, витязь в драном халате.

Кони еще свежие, отъехали мы от ханского стана недалеко, но и в драном халате ехать мурзе неприлично.

– Ты убила его? – спросил я Гюль.

– Я защитила свое целомудрие, – сказала девица, вправляя нить в большую костяную иглу. – Когда-то нукеры Бату-хана спалили и разрушили Париж, Орлеан, Нант, Бордо и Лион, они истребляли всех франков мужского пола, но предпочитали франкских жен всадникам-тартаркам. И если от всего народа остаются одни женщины, то какое вооружение у них будет, какие средства борьбы?

Гюль де Шуазель придвинулась ко мне теснее.

– Они рожали и растили детей. Учили их старому франкскому языку и старой вере, учили притворяться, скрывать язык и веру. Если же муж-тартар заподозривал неладное, то как ты думаешь, что происходило? Он умирал, потому что пищу ему готовил враг и делил с ним ложе тоже враг.

Гюль приникла ко мне.

Стало покойно, потом хорошо, сладко, а затем... как будто в меня вошла ее игла, пронзила до самого сердца. Распростерся я на земле, а из сердца вытекала моя жизнь. Опустилась холодная тьма.

– Жертва должна быть принесена, таков наш договор с владыками судеб. Скоро погибнет султан Виллизад. Франгыстана больше нет. Есть только Belle France. Vive la France!⁵

Игла уничтожила звуки и краски. Осталась лишь одна светоносная ниточка...

⁵ Прекрасная Франция. Да здравствует Франция! (фр.)

4

Я проснулся от стужи. И сразу взбрыкнул зубами. Ни халата, ни бешмета, ни даже шароваров – все уперла проклятая девка.

По щебенистой земле поземка вьется. Ледяная крупа в лицо бьет, я губы поджимаю, чтобы не рассекло до крови. Полмира прошел, а теперь пропадаю ни за грош. И ведь знал правду про эту Гюль, а чарам поддался.

Тридцать шагов сделал из упорства и все, ноги заостенели, не несут меня, уронили в ледяную крошку. В последнем усилии отжался я от мерзлой земли и понял – не встать уже.

И хоть помирать пора, а смотрю – на руках какой-то серый налет. Не изморозь, более на плесень похоже. Батюшки, да эта плесень на все тело простерлась!

Попытался я ее на запястье отскоблить. Ничего не вышло, да только потеплело враз, просто жаром меня обдало, как из печки. И тут слова вспомнились – «квазиживой биополимерный комбинезон». Странные слова. Но от ледяной смерти я избавился, поэтому стал мечтать о еде, вкусной и невкусной, любой. Когда я уже весь истомился от голодных мечтаний, прямо перед моими глазами слова возникли огненные: *«Первый виртуальный экран. Приоритетное сообщение: содержание глюкозы ниже нормы, катаболиты в крови – превышены пороговые значения»*. Что это? Бесы зловерные? А на мне и креста нет.

«Первый виртуальный экран. Приоритетное сообщение: сигнал бедствия передан, сигнал принят с подтверждением через 0,3 секунды. Время прибытия спасательного средства в диапазоне пятнадцать минут. Для облегчения поиска по маяку оставайтесь на месте».

Из-за скалы выплыло темное пятно. Оно повисло над моей головой и вдруг меня накрыл ослепительный конус света, потом сверху упал хобот, с клейкими лепестками на конце. Пятно уцепило меня этим «хоботом» и резко потянуло вверх, да так, что мои потроха чуть внизу не остались.

И вот я внутри пятна. Стало быть не пятно это, а воздушный корабль. Вокруг с полдесятка мужиков, покрытых той же самой «квазиживой» плесенью, что и я, только зеленой. А помимо плесени на них были еще зеленые береты.

Тот, что с тремя крупными звездами на берете, – видимо, главный.

– Я – командир корабля капитан-лейтенант Келарев, – говорит он. – Судя по параметрам сигнала с вашего маяка, вы имеет отношение к нашей военной разведке. Остальное неясно. Начнем с начала. Ваша фамилия, звание, воинская часть?

Люди тут серьезные и отвечать надо серьезно. А у меня в голове царит кавардак. Перед внутренним взором появляется то перестрелка с интернационалистами на Бадахшане, то прорыв в тыл брито-индийских войск у Пешавара, то ледовое побоище на Чудском озере, когда западные тартары были разбиты нашими ратниками. Еще как будто припоминаю наступление отрядов атамана Дутова на Астрахань, переход гвардейского казачьего полка через Гиндукуш и погоню московской конницы за монголами – они уводили пленников по рязанскому шляху...

– Меня зовут Сенцов, – отозвался я.

– Тестирующая система, проверить поступивший живой объект на заражение, – распорядился командир. – Лейтенант Пантелеев, займитесь анализом данных.

Ко мне подкатился цилиндр и, раскрывшись, словно цветок, образовал кресло с подлокотниками и подголовником. Я не заметил никаких движущихся частей, соединений, стыков, отдельных деталей. Цилиндр, превратившийся в кресло, состоял из одного куса изменчивого вещества. Делать нечего, уселся я в это чертово кресло, ожидая, что сейчас оно меня схватит и начнет выдавливать признательные показания. Ничего такого не случилось. Кресло

лишь выпустило несколько «щупальцев», которые стали исполнять возле моих висков змеиный танец.

Ну, попляшите, милые, а я пока посплю часок... В голову вдруг какая-то ясность пришла. А потом хлынул поток воспоминаний, быстрый, неустойчивый – словно из полной бочки выбили пробку. Так я познакомился с событиями собственной жизни.

Я родился в старинном городе Тьмутаракань. Сразу после рождения был записан в национальную казачью гвардию, поскольку предки мои вместе с атаманом Дежневым осваивали Аляску и Калифорнию.

Ученые тогда говорили, что России крупно повезло в историческом плане. В то время как Западная Европа была на задворках, через нашу страну проходил балтийско-черноморский и балтийско-каспийский пути. Мы всего лишь раз попали под мощный удар – когда в тринадцатом веке явился из глубины степей хан Батый со своей ордой. Но князь Александр Ярославич, собрав в кулак доселе разрозненные силы русских, разгромил монголов под городом Козельском и сжег их осадные орудия греческим огнем. Мы снова восстановили контроль над важнейшими торговыми путями и раньше всех европейцев проникли в Китай и Индию. Ресурсы Востока способствовали нашей индустриальной революции. Когда в Индию и Китай приплыли корабли английской ост-индской компании, там их ждали наши казаки – торгуй, но не балуй. Когда британец приплыл в Африку за рабами для американских плантаций, там уже ждал его казачий урядник: не трожь, не твое, а полезешь – запорю.

У нас на сто лет раньше, чем в Европе, появились паровые машины и механические сеялки, на пятьдесят раньше – электродвигатели и унитазы, на двадцать пять – автомобили и компьютеры. Мы первыми создали квазиживые биополимерные материалы и дальше всех ушли в области молекулярной и кристаллической механики. Этому способствовало наше умение концентрироваться на важнейших направлениях и мобилизовывать свои силы в нужный момент. Благодаря нашему техническому превосходству весь остальной мир охотно превратился в Российское содружество наций, отринув власть транснациональных финансовых воротил.

Но пару десятилетий назад что-то разладилось в оркестре. В нашей стране, как и во всем Содружестве, появилась масса людей, которая упрямо отвергала дисциплину и какой-либо труд. Чтобы не «помогать властям», эти «героические женщины и мужчины» принципиально жили только на социальные пособия, называя себя «борцами за свободу». Но поскольку таких борцов становилось все больше, пособия начали таять. Тогда борцы за свободу занялись изучением нелегального рынка психоделиков и выбросили на него принципиально новый товар. Это были нейроконнекторы и нейрософт – средства прямого подключения к мозгу. Их вводили в организм человека в дисперсном виде, как порошок или коллоидный раствор – применялась и инъекции непосредственно в мозг, через микроиглу. Там эти средства образовывали диффузные структуры, которые распространялись в нервной ткани и внедрялись в нервные центры.

За этими криминальными новациями стояли те самые транснациональные финансовые воротилы, которые были сокрушены Российским содружеством наций.

А потом борцы за свободу совершили то, что привело к падению нашего общества. Они применили дисперсный нейрософт, распыляемый в воздухе. Средства прямого воздействия на мозг распространялись воздушно-капельным путем, словно бубонная чума и грипп-испанка. Проникая в кровь, эти средства вели себя как вирусы, реплицируясь и распространяясь, и в итоге образуя диффузные структуры в мозгу. Как вирусы, воздушно-капельным путем, передавались они от человека к человеку. У «борцов» это называлось «эпидемией свободы».

«Заражение свободой» я изучил на собственной шкуре. И это было похуже, чем получить финку в живот, пулю или осколок.

Человек, вдохнувший дисперсный нейрософт, сперва начинал видеть особые сны. Эти сны были слепками с реальности, только в них человек становился хладнокровной рептилией.

А когда он просыпался, то был уже не такой, как прежде. Исчезали все прежние привязанности, к родителям, к детям, к родине, чувство долга, понимание, что можно, и что нельзя. Теперь человек чувствовал только обиду – ему не дали всего, что ему положено.

Наши враги называли это состояние «духовной свободой». А на самом деле диффузный нейрософт, поразивший мозг, возбуждал затылочные его доли, доставшиеся нам от времени динозавров. Проснувшаяся в человеке рептилия хотела только удовлетворения своих желаний. Главным словом теперь было «хочу».

После заражения дисперсным нейрософтом у вас имелась лишь одна неделя, чтобы избавиться от него при помощи интракорпоральных «чистильщиков». Я решил на эту болезненную процедуру, и армия микромашин прошла по моему мозгу, уничтожая своими мечами-энзимами элементы нейрософта. Но я скорее оказался исключением.

Рептилией быть хорошо и приятно – так показалось очень многим.

Они называли себя красиво – «инакомыслящие», «свободные люди». Ну, а мы их—Ящерами, чтобы не забывать о сути.

Ящеры шастали по домам в роли бродячих проповедников, вещая о приходе новой реальности и закате старого мира, заодно проверяя, кто из обывателей уже заражен нейрософтом и готов к восприятию «свежих идей».

Если вы спускали Ящера с лестницы, то на следующую ночь дома вас могли ждать большие неприятности. Например, ядовитые пиявки, снабженные примитивным нейрософтом для выполнения одной-единственной программы – кусать. Так что при виде проповедников в любом случае у вас на лице появлялась заискивающая улыбка.

Ящеры мало-помалу захватывали городские кварталы, подземные коммуникации, подвалы и чердаки. Полицейские и военные операции против Ящеров редко приводили к успеху, ведь у них везде были агенты – люди, вольно или невольно подвергшиеся нейропрограммированию. С ними оказалась повязана куча свободолюбцев, требовавших «прекращения репрессий». Жесткая борьба против Ящеров вызывала осуждающий вой в прессе и склоки в политической верхушке. А потом пришел день, когда вдруг рухнула мировая финансовая система, потому что банкиры и клерки всего мира оказались заражены нейрософтом. Когда эта система заработала снова – мир уже подчинился Ящерам...

Ящерам не надо было собираться толпой, они и так всегда были вместе – соединенные нейрософтом и коммуникационными сетями, что базировались на пылевых носителях.

Каждую неделю у Ящеров менялся «тренд». Вместе с ним они меняли партнеров, виды полового удовлетворения, наружность, расположение гениталий, стиль одежды и мебели – хотя мне они запомнились по стилю японской «манги».

Их тела стали биоконструкторами. Геночипы превратили их в гермафродитов. Таких гермафродитов не придумал не один фантаст. Экс-женщины были снабжены яйцекладом, с помощью которого они могли извергать оплодотворенные и неоплодотворенные яйцеклетки в брюшную полость экс-мужчин, где из утолщения толстого кишечника была образована матка...

Под Ящеров подстраивались СМИ, называя это «политкор-ректностью». Ученые переписали под них историю, которая стала теперь историей борьбы свободолюбивых Ящеров против тирании. Все фабрики и заводы мира работали на Ящеров – у них ведь был такой разнообразный, обширный, платежоспособный спрос. Банки выдавали им любые кредиты. Любый политик, от махараджи до премьер-министра, делал только то, что хотели Ящеры. Литературные негры писали от их имени романы и сценарии, режиссеры чутко улавливали в этих сценариях «дух перемен».

Тот, кто не хотел работать на Ящеров, просто исчезал – абсолютно бесследно, будто проваливался в преисподнюю, словно ему не было места на этом свете.

А когда Ящеров стало слишком много, и мир уже не мог удовлетворить все их желания, начали исчезать и они.

Закрывались заводы и университеты, поля зарастали сорняками, на месте супермаркетов оставались только тлеющие груды бесполезных вещей. Мир обезлюдел. На место людей, самолетов, автомобилей приходили странные объекты. Они были известны человечеству уже много тысячелетий. Раньше их называли летающими змеями и драконами, позднее – летающими тарелками и НЛО. Люди исчезали, падало поголовье Ящеров, а число странных объектов увеличилось на порядки и продолжало расти и множиться.

Уцелеть можно было только в самых заброшенных уголках мира на Тянь-Шане, в Андах и Гималаях, в Бадахшане... Ученые, продолжавшие работать в горных кишлаках, дали странным объектам другое название – «дырки». Согласно «теории дырок» любой высокоорганизованный объект принадлежит сразу нескольким мирам. Это наиболее выгодная схема существования сложной материи – с точки зрения устойчивости. Такая схема гарантирует, что энергия, потраченная на превращение примитивной материи в сложную, не была израсходована напрасно. Но если какой-то мир уже не поддерживает устойчивость высокоорганизованного объекта, этот объект перестает ему принадлежать. Сразу, рывком. На его месте образуется «дырка»...

– Капитан, с вероятностью 0,91 можно утверждать, что этот живой объект заражен. Анализ электрической активности мозга показал следы диффузного нейрософта, – объявил Пантелеев.

– Значит, Ящер. Мне этот тип сразу не понравился, – задумчиво произнес капитан-лейтенант. Наверное, он решил – пристрелить меня или выбросить за борт.

– Проверьте своих людей, – сказал я.

– Что? – командир подошел ко мне вплотную. Я подумал, что капитан-лейтенант сейчас меня ударит, но он только спросил:

– Как я должен их проверить?

– Проверьте их точно так же, как и меня. Командир корабля неожиданно согласился.

– Это естественная мысль...

– Обнаружены низколетящие цели!. Азимут двести восемьдесят, угол двадцать, дистанция сорок, – доложила система слежения мягким девичьим голосом. Рубка сразу заполнилась людьми, а система визуализации создала десятки виртуальных экранов. «Низколетящие цели» были показаны на них во всех ракурсах. Плоские, похожие на голову кобры, с цилиндрическим утолщением посередине.

Эти «кобры» перемещались как будто бессмысленно, но при этом быстро приближаясь к нам.

Кто-то из экипажа спросил густым тревожным голосом:

– Командир, почему мы не атакуем? Давайте жажнем ракетами левого борта.

Капитан-лейтенант Келарев отозвался лишь невнятным хмыканьем, но я все уловил. Цели—типичные «странные объекты», стрелять по которым – лишь бездарно расходовать боезапас.

На дистанции в двадцать километров все «кобры» исчезли.

– Вы не забыли про тестирование? – напомнил я командиру корабля.

– Я забываю только то, что нужно забыть, – отозвался капитан-лейтенант, но вызвал тестирующую систему.

– Лейтенант Пантелеев, вы – первый.

Через несколько минут лейтенант посерел. Может, он еще и обделался от страха (этому имелись косвенные признаки). Дотошная тестирующая система показала присутствие у него в мозгу диффузного нейрософта.

– Мне жаль, – рука командира потянулась к кобуре.

– Лучше куда-нибудь закройте Ящера номер два и продолжайте банкет, – торопливо вмешался я. – Главное – уловить тенденцию.

Пантелееву всадили парализующий луч из сквизера и в обмякшем виде отправили в пустой ящик из-под боеприпасов.

Проверка доставила большие неприятности еще двум сержантам, рядовому стрелку и офицеру-штурману, показав у них диффузный нейрософт. Все они были парализованы и загружены в оружейные и боеприпасные ящики.

– Теперь ваша очередь, господин капитан-лейтенант, – сказал я, с трудом удерживая лицевые мышцы от улыбки. – Передайте, пожалуйста, сквизер первому пилоту.

Командир, чувствовалось, что занервничал, хотя и сохранил бронзовую невозмутимость лица.

Суровый тестер показал наличие нейрософта и в его мозгу. Бледность поплыла по щекам капитана-лейтенанта.

– Кто вы? – вдруг спросил он меня.

– Сотник Сенцов. Я не подчиняюсь ни командованию седьмого мобильного дивизиона, ни штабу второй эскадры. Дальнейшие сведения вы можете получить, только связавшись с абонентом 2348 в управлении стратегической разведки.

– Мы не можем связаться с абонентом в управлении стратегической разведки, потому что находимся на боевом патрулировании, – отрезал капитан-лейтенант. – Хорошо, я передам командование кораблем первому пилоту. Пусть он меня парализует, а еще лучше – просто уничтожит.

– В этот момент зрители начинают плакать. Не торопитесь, первый пилот может быть также заражен. А что, если ваша тестирующая система функционирует неправильно? По простому говоря, криво фурычит.

Капитан-лейтенант вместо того, чтобы ухватиться за эту спасительную мысль, еще и запротестовал:

– Не верю. У тестирующей системы многократное дублирование всех схем и программного обеспечения.

– Я имею в виду, что тестирующая система не может понять состояния нашего мозга и считает, что причина этому – диффузный нейрософт. А давайте представим, что в мозгу у меня и у вас есть эти самые «дырки» – зоны, выключенные из нашей реальности, принадлежащие уже другому миру.

– Вы хотите сказать, что мы обречены?

– Я хочу сказать, что всегда есть надежда. Возвращайтесь на базу, командир.

Виртуальные экраны показывали, как корабль стелется над горами, а пилот вместе с бортовым компьютером прокладывает курс по звездам и другим естественным ориентирам – ведь «странные объекты» уничтожили как искусственные спутники Земли, так и наземные навигационные системы. Корабль вдруг устремился прямо к одной из горных вершин Бадахшана, еще секунда – и он врежется в сплошную скальную стену. Я зажмурил глаза, но раскрылся шлюз, мы промчались по тоннелю и опустились на палубу в ангаре размером с три футбольных поля.

Через час вместе с директором стратегической разведки полковником Суздальцевым и другими высокопоставленными персонами я находился в кабинете председателя Российского содружества наций, господина Иловайского.

Обладатель пышного звания расхаживал по дубовому паркету и думал вслух, ожидая подсказок подчиненных.

– Итак, сотник Сенцов, вы уверяете, что проникли в три вполне настоящие реальности, где наши приятели-Ящеры еще ничего не испортили.

– Именно так, господин председатель.

– Я все-таки не понимаю физики этого дела, – пожаловался высокий руководитель. – Чем отличаются другие реальности от нашей? За что нам весь этот геморрой?

– Я не думаю, что есть смысл долго и нудно излагать теорию физических множеств, – сказал глава научного совета, главнауц. – Любая реальность – это множество материальных элементов. Две или несколько реальностей могут иметь общее множество материальных элементов. И это энергетически выгодно для сложной высокоорганизованной материи, это просто необходимо ей для противостояния энтропии. Но если какая-то реальность перестает поддерживать устойчивость высокоорганизованных объектов, она их теряет. Увы, это полностью наш случай. Сегодня наш мир теряет объекты, и на их месте возникают «дырки». Эти «дырки» могут быть где угодно, в том числе в нас самих.

– Если б мы вовремя уничтожили Ящеров, ничего бы этого не было. Никаких дырок в мозгах, – не выдержал министр обороны.

– Послушайте, сейчас речь не об этом, – сказал главнауц, мимикой продемонстрировав свое отношение к солдафону.

– Как не об этом? Вы сами, милейший, часами говорили про «антропный фактор», тот, который дает энергию высокоорганизованной материи. А Ящеры, загадив мозги населению, этот самый «антропный фактор» уничтожили. Вешать их надо было, а не сопли по пиджакам распускать. Петлю Ящеру на шею, и еще за ноги подергать для надежности. Как вешали татей окаянных наши предки.

– Сотник Сенцов проник в три совершенно самостоятельные реальности, – сменил тему разговора директор разведки. – Проник и вернулся. Его антропный фактор может открыть нам ворота в другую реальность.

– Но ведь мы и так попадем в эту другую реальность, если все объекты мало-помалу захватываются ей, – заметил Иловайский – Человек – слишком сложно организованная система, он не может переходить из реальности в реальность по кускам, заполняясь «дырками».

– А что у нас с гиперкомпьютером? – спросил Иловайский.

– Он сейчас решает задачу, есть ли в нем «дырки», – отозвался главнауц.

– Пусть прервется. Вложите в этот черный ящик сведения Сенцова и получите координаты «ворот» в другие реальности.

– Но... – главнауц хотел, наверное, рассказать о тонкостях вычислений на квантовом гиперкомпьютере.

– Никаких «но», только «да».

Через сутки в сторону предполагаемой границы реальностей вылетела эскадра. На флагманском корабле находился я вместе с директором разведки полковником Суздальцевым, здесь же был председатель Иловайский и главнауц в виде своего цифрового двойника. Впереди летел разведывательный корабль под командованием капитан-лейтенанта Келарева.

Под нами проносились снежные вершины и серые каменистые склоны. Гиперкомпьютер, который был распределен по кораблям эскадры, определял наши истинные координаты и курс.

То, что мы приближаемся к нужной точке, стало понятно, когда локаторы засекли «хвост» из «странных объектов».

– Они хорошо подставились, – обрадовался военный министр. – Сейчас дадим залп мегаваттными импульсниками с флагмана.

– Антропный фактор должен проявляться не так, – заметил дигитальный главнауц, а гиперкомпьютер сообщил, что мы уже в «воротах», которые распахнулись шире, чем показывали расчеты. Гипер еще стал доказывать, что имел право на ошибку...

Мы вышли из реальности сразу, рывком. Для тех кораблей, что еще не влетели в «ворота», мы наверняка предстали в виде странного объекта, то есть «дырки».

Во мгле, испещренной светящимися точками, я пытался найти нужный мне выход.

Пусть я и «высокоорганизованная материя», обладающая «антропным фактором», но каждая реальность хочет приспособить меня к себе, чтобы не потерять устойчивость.

Можно легко стать гандистом, интернационалистом, капиталистом, Ящером, животным или растением. Вместе с растениями очаровывать насекомых и всасывать солнечное сияние. Вместе с волками чувствовать трепещущую кровь добычи и мощь стаи. Вместе с интернационалистами чаять всемирного братства пролетариев. Вместе с гандистами жаждать пробуждения спящей Азии. Вместе с западными тартарами и восточными монголами вести своих коней до самых далеких рек и морей. Вместе с Ящерами желать все и вся.

5

К ночи сражение за высоту между российскими и брито-индийскими войсками закончилось, гандисты принуждены были отступить с конфузией. Однако усталые русские воины наблюдали чудную игру огней в темном небе, а также вспышки и множество искр, как будто в высотах ратоборствовали ангелы, слуги божьего престола, и бесы, исчадия адские. Несколько военных священников вознесли молитвы, желая скорой победы светлomu небесному воинству и поражения мерзким посланцам бездны.

Незадолго перед зарею небо вдруг окрасилось в розовые тона и наверху возникли контуры неведомой страны с горами, городами, реками и озерами, а потом все вновь заволокло тьмой. Наблюдатели застыли в молчаливом недоумении, надеясь на божественный источник знамения.

Ближе к полудню русские войска, закрепившиеся на высоте, подверглись атаке брито-индов сразу с трех сторон. Сперва позиции были перетряхнуты тяжелой артиллерией врага, а затем густыми цепями в лоб пошла бенгальская дивизия. Со стороны перевала, сокрушив слабые егерские заграждения, хлынули красные шотландские стрелки. А с юго-западной неожиданной стороны, прямо с горной вершины, посыпались, как горох, отчаянные гурки.

Первая линия обороны русских войск была смята, и через окопы, ставшие братскими могилами, проползли танки; бенгальской пехоте даже не понадобилось вступать в ближний бой. Вторая линия обороны хлестнула наступающих плотным пулеметным огнем, да и танкам все сложнее было подниматься вверх по склону. Однако русские солдаты слышали канонаду у себя на флангах и даже в тылу, поэтому неуверенность приходила на смену упорству. И вправду, находившиеся на флангах гренaдеры едва сдерживали натиск шотландских стрелков, плохо заметных в «зеленке», и гурков, едва мелькающих среди камней.

Подкрепления запаздывали. Командование корпуса тщилося принять правильное решение: бросить ли в бой резервы и попытаться отстоять высоту или же, отступив, очистить сомнительной ценности выступ фронта. Растерянность расплзалась по штабным головам.

Неожиданно в штабе корпуса появился офицер в чине есаула и доложил, что готов переправить пластунов через проход в западном скальном массиве, дабы вывести их в тыл наступающим гуркам. Командующему корпуса уже не приходилось выбирать – он усилил пластунский батальон спешившимися казаками-гвардейцам, и сел ждать, мрачно вперившись в стену палатки. Через час с запада послышалась стрельба, а наступающие гурки вдруг пришли в смятение. Вскоре контратака молодцов-гренaдеров превратила их в бегущее стадо. Некоторое время спустя гренaдеры соединились с пластунами и ударили по оголенному левому флангу брито-индийских войск. Гандисты дрогнули, ослабли и покатались назад.

После победного боя была установлена фамилия есаула для предоставления его к Георгию. Однако сам есаул Сенцов, к прискорбию командования и сослуживцев, пропал без вести.

Джебе-нойон, как и все его верные нукеры, наблюдал за мельканием на небе пятен разного окраса и размера. В душе его подобное мельтешение не пробуждало никоих чувств, поелику никогда еще небо не вмешивалось в дела земли. Аллах потакал сильным или делал сильным того, кому желал потакать. Старые монгольские духи неба – тенгри – также любили неукротимых воинов. Пробуждала беспокойство у владетеля лишь одна мысль – как бы не упало нечто тяжелое с неба на его стан. Впрочем, едва властитель убедился, что небесные игрища никоим образом не грозят ему и его воинству, он утратил к ним всякое любопытство.

А где-то, не слишком далеко, в вечерний воздух взмыли птицы и чуть заметно задрожала земля. Потом и топот конский донесся до ушей москвитянина. Казак Ерема Сенцов спешился и спрятал своего Сивого между глыб, сам же взобрался на утес, высившийся темным шеломом над тропой.

Вскоре на тропе показалось пятеро всадников. По одежде, черным панцирям и долетавшим словам можно было признать в них слуг султана Виллизада. При них была и Гюль де Шуазель, привязанная к задней луке седла одной из лошадей. Коли доберутся посланцы Виллизада до Джебе-нойона, то все лукавое предприятие, затеянное во спасение Святой Веры и града Москвы, может погореть. Столкнуть на нукеров Виллизада большой камень? Инда придавишь одного, а остальные утыкают тебя стрелами, пущенными со своих роговых луков. И вовремя вспомнилось про мешочек с пороховым зельем, которое недавно составил для него один монах Сергиевой обители.

Едва Сенцов успел сыпануть из мешочка и провести пороховую стежку, как поблизости зацокали копыта. Высек он искру кремнем – побежал по стежке красный петушок, немедля полыхнуло и пороховое пятно на дороге. Первые лошади, захрапев, поднялись на дыбы; одна, совместно со всадником, ухнула с обрыва, другая же уронила тартара на горящую землю.

Стрелой, пущенной из своего лука, Сенцов пробил панцирь третьего нукера. А потом, выскочив на дорогу, рубанул саблей тартара, который с визжанием плясал по земле в горящем халате. Оставшиеся двое всадников наехали на москвитянина, однако же их перепуганные лошади дурно слушались повода и плетей. Вскочил Сенцов на уступ скалы и, прыгнув на одного из нукеров, свалил его с лету на землю, а там ударил кривым ножом.

Внезапно удавка аркана стянула руки москвитянина и победно закричал слуга Виллизада. Тартарский конь, послушав хозяина, прынул с места, веревка сорвала Сенцова с ног и потащила вниз по горной дороге, по камням острым. Однако Гюль де Шуазель, что болталась на луке седла у этого всадника, освободила руку и выхватила сагайдачный нож. Ударила девичья рука ножом под шлем тартара и пал он на землю, орошая густой кровью бесплодные камни. Гюль де Шуазель развернула коня, но петля аркана была уже пуста. Сгинул казак Сенцов, сгинул бесследно – будто гора распахнулась и поглотила его.

Сотник Сенцов тонул в пещерном озере. Хоть и колотил-молотил Зегерса кулаками и пинал ногами, толку от этого не было. Уже растекалось по телу изнеможение, темные пятна, все разрастаясь, кружились в пухнувшей голове, а латыш по-прежнему был цепок, как бульдог, и тяжел, как мешок с картошкой. Сенцов уже прощался с жизнью и, словно через окно, видел золотые ризы встречающих его святых отцов – те приветливо махали коричневыми руками и улыбались светлыми ликами. Когда сотник уже стал приближаться к окну, вдруг ослабела вражеская хватка. Сенцов, натужив последние силы, отпихнул сапогом недруга. И мешок-Зегерс стал безвредно удаляться от сотника, который, в свою очередь, начал всплывать. И вот в легкие, сдавленные удушьем, ворвался воздух. Ротмистр Суздальцев протянул сотнику руку и помог выбраться из воды.

В глубине пещерного омута виднелись чьи-то ноги в хороших хромовых сапогах, подметками кверху, оттуда розовым пятном поднималась кровь.

– Зегерс это, – пояснил Суздальцев. – Я его шашкой подколол. Шашка и в воде неплохо действует. Извините, что задержался, но мне немного помешали, – он показал на тела латышей, разбросанные по пещере. – А теперь в путь, – ротмистр поднял факел, выпавший из руки интернационалиста.

Когда факелы почти уже угасли, они вышли из горы в долину. Здесь свежий ветерок с гор не давал застояться зною, а близкое солнце не позволяло сползти стуже с горных вершин. Долина радовалась жизни и была застелена цветочным ковром.

– Это – рай? – спросил бесхитростный Келарев.

– Посмотрим, – ответил Сенцов.

Они пошли через долину, один за другим, стараясь не давить цветы тяжелыми кавалерийскими сапогами. Луга плавно перетекли в сады. За ними была невысокая каменная ограда, а дальше возвышались легкие строения с розовыми стрельчатыми стенами, крышами-луковичами и резными колоннами по фасаду.

У ворот путников встретил молчаливый слуга. Склонившись в вежливом поклоне, он сделал знак страже, чтобы пропустила непрошенных гостей. По дорожке, выложенной мраморной плиткой, слуга провел трех русских воинов мимо легких беседок и заросших лилиями прудов к двери самого высокого здания.

Сразу за позолоченными створками дверей обнаружился зал, который наполнился гомонном пирующих и пестрыми красками цветочных ожерелий. Танцы живота, однообразная (на вкус вновь прибывших) музыка, сладкоголосые песни, ломящийся от яств стол на коротеньких ножках. Непонятно было гостям – то ли это обычный обед, то ли второй завтрак, то ли торжественный пир.

Гостей подвели к старцу, находившемуся во главе длинного стола, затем усадили неподалеку от него на парчовые подушки. Отличался седоусый хозяин той благородной наружностью, которая свойственна некоторым бадахшанским таджикам. За спиной его сидело несколько женщин, чьи лица были скрыты темными накидками. Шейх предложил гостям есть и пить. Сенцов и Келарев немедленно подкрепились пловом, а ротмистр Суздальцев тщетно старался найти вилку. Затем старец на неплохом французском попросил поведать о том, что приключилось с путниками. Сотник Сенцов, глянув на мрачных воинов, стоящих в углах зала, и на ласковые глаза шейха, решил быть честным...

– Очень поучительная история, хотя и полна странного, – сказал старец, прилежно выслушав сотника. – Умные люди Запада любят объяснять счастье и несчастье человека тем, какое воспитание он получил, какое богатство унаследовал, какие идеи разделяет – будто это может изменить его вечную неизменную сущность. Она же не зависит ни от воспитания, ни от учений и идеологий, она одинакова во всех мирах. Мы, зоро-астрийцы, зовем ее «фраваш». Но какой из всех этих миров вы бы выбрали сами?

«Тот, где она, потому что она оставила нерастроченной мою любовь и благодарность», – хотел сказать Сенцов, но промолчал.

Покрывало соскользнуло с головы одной из женщин, и сотник увидел Мариам. Она сидела, потупив взор, но румянец посетил ее щеки-персики.

– Я мог бы казнить мою жену за побег в Бухару, но она вернулась, преисполненная рассказов, и будет украшать мою старость, насколько та продлится, – с довольством произнес шейх.

1995, 2008

Андрей Мартьянов Операция «Бранденбург»

Смоленск, 13 марта 1943 года

– Я решительно не понимаю генерал-фельдмаршала, – развел руками высокий лейтенант в очках. – Сказав «А», надо говорить и «Б». Клюге прекрасно понимает, что мы ходим по лезвию бритвы и одновременно рассуждает о кодексе чести: видите ли, убивать человека за обедом – недостойно офицера.

– Но ведь это действительно плохо вяжется с традиционными представлениями, – пожал плечами генерал-майор Хеннинг фон Тресков – хозяин обширного кабинета на втором этаже самого охраняемого здания в центре Смоленска: здесь располагались некоторые отделы штаба группы армий «Центр». – И успех вовсе не был гарантирован. Я разговаривал с шеф-адъютантом фюрера Шмундтом, он сказал, что Гитлер во время поездок на фронт обычно носит легкий бронежилет и фуражку с металлическими вставками. В последнее я готов поверить, поскольку лично держал ее в руках. Фуражка необычно тяжелая...

– Кроме того, господин лейтенант, из-за беспорядочной стрельбы во время банкета могли пострадать офицеры штаба фельдмаршала, – поддержал фон Трескова усевшийся на подоконник господин в штатском. – Представляете последствия? Знаменитая фраза Игнатия Лойолы о цели и средствах в данном случае неприменима – мы не вправе обезглавить фронт, а большинству сотрудников Клюге не так-то просто подыскать замену. Особенно в нынешних обстоятельствах. Придется действовать по резервному плану.

– У вас в Абвере слово «план» обожествлено, – огрызнулся лейтенант. – А сакрализация любого понятия только вредит делу! Меньше планов, больше действий.

На несколько мгновений в кабинете установилась мрачная тишина – только тикали огромные напольные часы. Стрелки показывали четверть десятого утра.

Увы, но тщательно спланированный заговор группы генерала Трескова фактически провалился. Через два часа рейхсканцлер и верховный главнокомандующий Вермахта Адольф Гитлер вылетит из Смоленска в Восточную Пруссию и вновь станет недосыгаем – организовать покушение непосредственно в Ставке невозможно чисто с технической точки зрения...

Случай же подвернулся уникальный: после поражения под Сталинградом фюрер выезжал на фронт все реже и реже, предпочитая затворничество в Растенбурге или в берлинской рейхсканцелярии. Когда стало известно, что Гитлер собирается посетить Смоленск, Хеннинг фон Тресков и близкие к нему офицеры поняли, что нельзя упускать столь удобный шанс покончить с человеком, ведущим Германию к катастрофе.

Недовольство фюрером в офицерском корпусе Вермахта спонтанно нарастало после начала кампании на Востоке – один из заговорщиков, барон Рудольф фон Герсдорф, после поездки на фронт в начале декабря 1941 года прямо говорил Трескову: «У меня создалось впечатление, что расстрелы евреев, военнопленных и комиссаров осуждаются офицерским корпусом повсеместно... Расстрелы рассматриваются как позорящие честь германской армии, в особенности ее офицерского корпуса. Виновен в этом только один человек – и вы отлично знаете кто, господин генерал-майор...»

Уже больше года фон Тресков подбирал в штабе группы армий людей, резко недовольных происходящем как на Восточном фронте, так и в Германии вообще. Велись осторожные разговоры, сводившиеся к одной простой мысли: надо что-то менять, и чем быстрее, тем лучше. Менять радикально.

Национал-социалистическое правительство должно быть заменено трезвомыслящими людьми – разумеется, военными, которые сумеют вывести Германию из войны с наименьшими

потерями. Никто не хотел повторения 1918 года и нового Версаля – а если дела пойдут так и дальше, то по сравнению с грядущим поражением Версаль покажется детским лепетом: русские и западные союзники ясно дали понять, что их целью является полное уничтожение Германии...

Безусловно, в офицерском корпусе хватало фанатиков, слепо верящих в гений фюрера, на этих даже Сталинградская трагедия не произвела особого впечатления. Но Тресков и его приближенные в январе нынешнего года окончательно поняли: гибель Шестой армии в заснеженных приволжских степях является знаком того, что фюрер утратил контроль над ситуацией. Если бы вовремя был отдан приказ об отступлении, если бы успел Манштейн... Если бы!

Гитлер категорически заявил: «Я не уйду с Волги!». Последствия этого решения налицо – катастрофа.

Тихий ропот в среде старших офицеров и создал почву для обширного заговора, в который оказались вовлечены десятки людей – от адъютанта Трескова лейтенанта Фабиана Шлабрендорфа до высших чинов Абвера. В план покушения посвятили фельдмаршала Ганса фон Клюге, командующего группой армий – и тот, молча согласившись, задал вопрос, ответ на который беспокоил всех:

– А что дальше, господин генерал-майор? Вы понимаете, что вслед за... гм... за этой акцией должно последовать полное изменения государственного устройства? Причем во время тяжелейшей войны. Что дальше, Тресков?

– Вы имеете в виду – кто возглавит правительство и страну?

– И это тоже.

– Люди, не запятнавшие себя тесной связью с режимом. Те, с кем Запад сможет вступить в переговоры.

– Слишком расплывчато. Вы понимаете, что верхушку НСДАП надо убирать полностью? Всех до единого, за редкими исключениями... И прежде всего Гимmlера с его шайкой.

– Безусловно. Пост рейхспрезидента должен занять военный старой школы. Месяц назад я беседовал с генералом Гальдером, он... Он не выдвинул обоснованных возражений. Фон Вицлебен тоже.

– Гальдер или Вицлебен? – Клюге вздернул брови. – Ну хорошо, допустим. А канцлер?

– Альберт Шпеер – талантливый управленец, он сумеет удержать экономику от краха в условиях военного времени. Разумеется, действовать новый канцлер будет под тщательным присмотром армейского руководства.

– Шпеер – близкий друг фюрера. Вы не забыли об этом?

– Нет. Не забыл. Я встречался с рейхсминистром зимой, когда был в Берлине.

– И что же? Впрочем, я догадываюсь, иначе вы не назвали бы его имя. И помните: любая серьезная дестабилизация государства может вызвать обрушение фронтов. Результат окажется фатальным.

– Я знаю, господин генерал-фельдмаршал. Но альтернативы никакой: мы обязаны положить конец этому безумию, иначе Германия погибнет...

* * *

Фон Тресков знал, что в обычное время Гитлер был приветливым и вежливым человеком. Ходили разговоры о его вспышках ярости, но свидетелем таковых генерал ни разу не оказывался, хотя и бывал в Ставке по штабным делам сравнительно часто. Однако прилетевший вчера из Винницы фюрер выглядел мрачно, не улыбочиво и настороженно.

...О неслыханной удачливости рейхсканцлера ходили легенды. Гитлер счастливо избежал более чем десятка покушений – по крайней мере тех, о которых было достоверно известно. Он за минуту до взрыва уходил из помещения, где была заложена бомба, пистолеты давали

осечки, а лучшие английские агенты, отправленные в Рейх, чтобы убить фюрера, бездарно проваливались там, где и отстающий школьник не смог бы допустить ошибки. В этом было нечто мистическое – одним чутьем на опасность такое не объяснишь.

Утром 12 марта на смоленском военном аэродроме приземлились сразу шесть самолетов: охрана и техническое обеспечение, от связистов до личных поваров. На тяжелом военном транспорте привезли даже автомобиль. Спустя сорок минут в ясном весеннем небе показался четырехмоторный Fw.200 «Кондор»; он шел один, без сопровождения истребителей – в этом районе опасаться авиации противника не приходилось.

Самолет коснулся полосы. Тресков покосился на адъютанта – Шлабрендорф выглядел абсолютно невозмутимо. По договоренности с фельдмаршалом они должны были посадить важного гостя в свою машину: лейтенант за рулем, на соседнем переднем сиденье, как всегда, непременно устроится камердинер и телохранитель рейхсканцлера Гейнц Линге. Тресков с Гитлером – позади. Было условлено, что выстрелы будут произведены одновременно, сразу после поворота с аэродрома на Смоленск. Шлабрендорф устраняет Линге, а генерал-майор в упор расстреливает фюрера – на столь близком расстоянии никакой бронезилет не спасет. Затем автомобиль изнутри подрывается двумя гранатами: Тресков и лейтенант отлично знали, что их ожидает в случае, если они останутся живы – никаких сомнений, следователи выбьют из заговорщиков имена всех причастных к покушению, и жертв будет стократ больше.

– Черт... – прошептал Шлабрендорф. – Боюсь, ничего не выйдет...

Фюрер и генерал Йодль спустились по трапу на бетон аэродрома, быстро переговорили с встречавшим их Клюге, после чего к самолету подошли бронированный «Хорьх» с проверенным Эрихом Кемпкой за рулем. Ехать в армейской машине Гитлер категорически отказался – неужели что-то заподозрил?

Кортеж направился в сторону города.

– Вечером, – сказал Тресков лейтенанту. – До четырех пополудни совещание в штабе группы армий, с восьми – обед в офицерском казино. Мне необходимо как можно быстрее переговорить с фельдмаршалом. Предупредите фон Герсдорфа и полковника Штрахвитца, они должны быть готовы.

Второй вариант операции предусматривал покушение во время торжественного банкета, который устраивал Клюге в честь Гитлера, и этот план всеми без исключения был признан наиболее рискованным. Стрелять должны были сразу девять офицеров – уже упомянутые Тресковым начальник разведки штаба Герсдорф, сотрудник оперативного отдела Штрахвитц, братья Георг и Филипп фон Безелагер и еще несколько военных.

– ...Вы устроите бойню, – резко сказал генерал-майору Клюге, зайдя в кабинет Трескова перед совещанием. – На банкете будет присутствовать сто двадцать человек, весь мой штаб!

– Следует рассадить их так, чтобы никто не попал на линию огня, – возразил Тресков. – Вы сядете напротив Гитлера, по другую сторону стола. Как только начнется стрельба, падайте на пол, Шлабрендорф вас прикроет.

– А остальные? О них вы подумали? Лишить фронт управления! Кроме того, как согласуется с офицерской честью убийство гостя за обедом? Я вам приказываю, Тресков: акцию отменить. Вернее, перенести. Изменить план. Вспомните о подарке Канариса!

Действительно, неделю назад Смоленск посетил шеф Абвера, посвященный в заговор. «Подарком», о котором говорил Клюге, являлись несколько килограммов новейшей английской взрывчатки – ее сбрасывали с самолетов во Франции для диверсионных групп голлистов и британской агентуры, значительная часть «посылок» оседала на складах разведки. Офицер Абвера Ганс фон Донаньи передал группе Трескова подробные инструкции по обращению с веществом, похожим на пластилин или замазку, а также оставил химические детонаторы. Бомбы они изготовили вместе с лейтенантом Шлабрендорфом, теперь оставалось придумать, каким образом эффективно применить адские машины...

День прошел напряженно – вначале совещание с генералитетом, затем Гитлер со свитой отправился в кратковременную инспекцию по частям, расквартированным в Смоленске. Фюрер был постоянно окружен охраной – не подберешься. Тресков передал Герсдорфу и остальным категоричное распоряжение фельдмаршала: покушения на банкете не устраивать, слишком рискованно.

Поздний обед прошел безмятежно. Гитлер был весел, много шутил, еще больше рассуждал о предстоящей летней кампании, во время которой следовало перехватить у русских инициативу и нанести решающий удар в направлении Москвы – новейшие тяжелые танки уже начали поступать в войска, в жилы Панцерваффе вливается новая кровь. Продолжался банкет три с половиной часа, фюрер говорил, почти не прерываясь.

Возвращение в Растенбург было назначено на завтра. Самолет должен вылететь в одиннадцать утра, провожать фюрера будет все командование фронта.

Тресков назначил Шлабрендорфу и фон Донаньи встречу на половину восьмого, у себя в кабинете. Времени почти не оставалось.

* * *

– Вы договорились с подполковником Брандтом? – Донаньи взглянул на генерал-майора. – Посылка готова.

Абверовец расстегнул портфель и поставил на стол перед Тресковым две бутылки мутного темного стекла с золотисто-белыми этикетками ликера «Куантро». От обычных бутылок они отличались разве что пробками – более крупными, заклеенными черной фольгой.

– Уверены, что сработает? – хмуро поинтересовался Шлабрендорф.

– В случае с Гитлером ни в чем нельзя быть уверенным, – парировал фон Донаньи. – Надо проткнуть шилом обе пробки и привести в действие кислотный взрыватель с замедлителем, он рассчитан на полчаса. Авиакоридор на Растенбург проходит по линии Смоленск-Орша-Молодечно-Вильно и далее на Восточную Пруссию, «Кондор» летит без сопровождения, на высоте около пяти километров. Это должно выглядеть как несчастный случай, авиационная катастрофа – по моим расчетам, взрыв произойдет северо-западнее Минска, над болотами. Искать самолет будут не меньше суток.

– Весьма оптимистичные расчеты, – буркнул Тресков. – Когда «Кондор» должен прибыть в Растенбург?

– В два по поясному времени Смоленска, общее время в полете два часа пятьдесят минут.

– Та-ак... Армейские средства ПВО в Белоруссии будут его отслеживать?

– Разумеется. Но «слепой участок» находится как раз за Минском, вплоть до зоны ответственности виленской противовоздушной обороны. Это только нам на руку. Если к половине третьего из Ставки не придет подтверждение о приземлении, можно звонить в Берлин.

В случае удачи диверсии Хеннинг фон Тресков должен был соединиться со столицей и передать состоящему при штабе ОКВ капитану Людвигу Гере кодовое слово «Бранденбург», запускавшее механизм подготовленного военного путча: гарнизон Берлина поднимается по тревоге, армия нейтрализует части СС, захватывает правительственные учреждения и верхушку НСДАП; временное управление Берлинским округом берет на себя адмирал Вильгельм Канарис, и он же представляет народу новых рейхспрезидента и канцлера – все согласовано и спланировано с точностью до минуты. Взятие власти займет минимальное время, к вечеру страной должны править военные и их ставленники...

– Пора, – Тресков взглянул на часы. – Донаньи, остайтесь здесь. Господин лейтенант, берите посылку.

Шлабрендорф завернул наполненные взрывчаткой бутылки в газету и аккуратно поставил их в портфель. Защелкнуть замочек следовало уже на аэродроме: без ключа его не откроешь.

Автоколонна из тридцати машин промчалась через Смоленск и вышла на загородное шоссе. Погода стояла сумрачная, за ночь нанесло облаков, шел сухой колючий снежок – обычное явление для здешней ранней весны.

Пилоты «Кондора» завели двигатели, самолет фюрера отправлялся третьим в очереди: часть охраны уже вылетела в Восточную Пруссию, остальные транспорты будут взлетать с промежутком в десять минут. Отлично, значит, в зоне прямой видимости других бортов «Кондор» не окажется – это серьезно затруднит грядущие поиски обломков.

– ...жду вас седьмого апреля в Ставке, – услышал Тресков слова Гитлера, обращенные к фельдмаршалу. – Благодарю за прием, Ключе.

– Хайль, мой фюрер!

Генерал-майор шагнул чуть вперед и влево, закрывая собой Шлабрендорфа. Лейтенант мгновенным движением открыл портфель, прижал его левой рукой к груди, зажатым в правой ладони шилом быстро проткнул обе пробки «Куант-ро». Клацнул металлический замок. Шлабрендорф подергал крышку портфеля – убедиться, что посылку никто не откроет – и передал портфель фон Трескову.

Гитлер уже поднялся в самолет.

– Брандт, подождите! – Тресков стремительно подошел к трапу и придержал за рукав подполковника ОКВ Гейнца Брандта. – Извините бога ради, едва не забыл! Помните, вчера я просил вас передать подарок в Берлин?

– Конечно же, господин генерал-майор! – обернулся Брандт. – Что еще может послать на день рождения другу фронтовик, кроме хорошего спиртного? Давайте. Уверю, через два дня посылка будет в Берлине, и мы с полковником Штиффом выпьем за ваше здоровье.

– Большое спасибо, – выдавил неискреннюю улыбку Тресков. – Не знаю, что бы я без вас делал...

Дверь самолета захлопнулась, «Кондор» начал выруливать на полосу. Самолет остановился, взревели моторы, и через полминуты Fw.200 поднялся к серым негостеприимным небесам, оставляя за собой едва различимую полосу выхлопов. Тресков, Шлабрендорф и Ганс фон Ключе проводили его ничего не выражающими взглядами.

– Возвращаемся, – махнул рукой адъютанту фельдмаршал, мельком взглянув на Трескова. Генерал-майор едва заметно кивнул. Дело сделано. Теперь остается лишь надеяться.

* * *

– Перенести портфель в багажное отделение, господин подполковник? – обратился к Брандту унтерштурмфюрер Вольф из числа obsługi рейхсканцлера.

Брандт устроился в кресле в самом хвосте самолета. Передний салон «Кондора» занимали Гитлер, Йодль и несколько наиболее приближенных сотрудников Ставки.

– Конечно, – согласился подполковник и вдруг передумал: – А впрочем, он мне ничуть не мешает, поставлю в ногах. В багажном отсеке дикий холод, а ликер холода боится.

– Да, на высоте температуры минусовые, – согласился Вольф. – Как будет угодно.

На столике перед креслами лежали еженедельные журналы, Брандт взялся за последний выпуск «Вермахта», пролистал, потом уставился в прямоугольный иллюминатор. Самолет чуть потряхивало, он проходил через полосу облаков. Наконец слева по борту засияло солнце – «Кондор» набрал высоту и уверенно лег на курс.

Фюреру подали травяной чай, остальным кофе. Генерал-лейтенанту Альфреду Йодлю внезапно отчаянно хотелось закурить, но это было невозможно – Гитлер категорически запрещал курить в своем присутствии, особенно в самолете.

Личный пилот рейхсканцлера, штандартенфюрер СС и командир правительственной авиаэскадрильи Ганс Баур связался с ПВО Минска и запросил сводку погоды. Движущийся на восток облачный фронт простирался вплоть до Орши и Борисова, укрывая половину Белоруссии; западнее погода резко улучшалась – над Литвой и Восточной Пруссией ясное небо. Активности самолетов противника в тылу германских войск за последние сутки не отмечено. Точка поворота – двадцать седьмой градус восточной долготы, затем «номер первый» на двадцать минут выйдет из зоны наблюдения Минск-Борисов и будет передан ПВО Вильно. В случае непредвиденной опасности истребители поднимутся в воздух в любой момент, экипажи в полной готовности.

– Отбой, – сообщил Баур и щелкнул тумблером радиации.

«Кондор» занял эшелон на высоте пять тысяч сто метров и набрал крейсерскую скорость в триста сорок пять километров в час. Штандартенфюрер отлично знал, как вести себя в случае чрезвычайной ситуации – при любой, самой минимальной угрозе, будь то случайное появление вражеской авиации или техническая неисправность, следовало на форсаже уходить к ближайшему военному аэродрому и незамедлительно садить самолет.

Над Белоруссией изредка летают русские транспорты, сбрасывающие грузы партизанам; далеко не каждый из них фиксируется противоздушной обороной и перехватывается. Но используемые Советами американские «Дугласы» С-47 слабо вооружены и слишком тихоходны, чтобы угнаться за Fw.200, а ждать появления на таком расстоянии от линии фронта боевых машин не приходится. Однако идет война, может произойти все, что угодно, поэтому Ганс Баур изучил маршрут Винница-Смоленск-Растенбург досконально и проложил воздушную трассу над самыми крупными центрами – любой аэродром Люфтваффе в зоне десятиминутной досягаемости, за исключением «слепого пятна» между Молодечно и Шальчининкаем. Именно туда и следовало бы вызвать эскадрилью истребителей прикрытия, но...

Но зачем? Это глубокий тыл. Тем более, что первые два самолета уже благополучно преодолели Виленский район ПВО и сейчас находятся над Восточной Пруссией.

Подполковник Брандт передвинул портфель с посылкой господину Штиффу из-под кресла к борту, прямиком под иллюминатор. Мимоходом отметил то, на что не обратил внимания в Смоленске – подарок тяжеловат, две бутылки с ликером чересчур увесисты.

Шла сорок пятая минута полета. Судя по всему, Донаньи ошибся, и взрыватель не сработал...

– В чем дело? – громко сказал Брандт, разбудив задремавшего в соседнем кресле советника имперского управления вооружений Штрауба. Наклонился. Послышалось неприятное шипение, из портфеля выбивался сизый дымок, пахнувший какой-то откровенно химической гадостью. – Что...

Брандт и господин советник погибли мгновенно – в последний момент подполковник еще успел заметить ослепительную синевато-белую вспышку. Штрауба поразило осколками и вышвырнуло в полутораметровую дыру, образовавшуюся в фюзеляже.

* * *

Ожидаемого заговорщиками эффекта бомба не произвела – предполагалось, что самолет будет полностью уничтожен в воздухе, но сдетонировала лишь малая часть взрывчатки, и конструкция машины выдержала. «Кондор» резко пошел вниз и влево.

– Держи, держи! – заорал Баур второму пилоту. У него создалось впечатление, что самолет поражен зенитным снарядом. – Гидравлика отказывает! Рация! Черрт!

«Кондор» стремительно терял высоту – четыре с половиной тысячи, четыре, три восемьсот, три триста пятьдесят... Перегрузки были огромные: если бы пилоты, скрупулезно следовавшие инструкциям, не были пристегнуты, их выбросило бы из кресел.

Сигнал бедствия подать не успели, да и некогда было – машина с трудом выровнялась, но тотчас отказали второй и четвертый двигатели, два оставшихся теряли мощность.

– Аварийная посадка! – Баур, не потерявший самообладания, видел внизу покрытые снегом болотистые равнины и черно-зеленые перелески – местность безлюдная и диковая.

Замелькали голубые искры, электронику закоротило. Кабина наполнилась запахом жженой изоляции.

– Руге, садимся!

Дотянуть до ровного, покрытого тающим снегом поля не вышло – «Кондор» на скорости в триста километров в час врезался в ельник, сразу отвалилось правое крыло, один из двигателей левого сорвался с креплений и с ревом прорубил в подлеске сорокаметровую просеку. Топливо не воспламенилось только чудом.

* * *

В партизанском отряде «Сталинское знамя» с комиссара Шмулевича сильно удивлялись. Нет, вовсе не «не любили», и тем более не «ненавидели», но относились к Шмулевичу странно: каждый понимал, что обойтись без него решительно невозможно, человек он дельный и полезнейший, но очень уж удивительный. Решительно не такой, как все. Достаточно упомянуть, что обращались к нему всегда по имени и отчеству, не «товарищ комиссар» и не «товарищ Шмулевич», а непременно «Семен Эфраимович». На этом он сам настоял, мягко, однако непреклонно, еще летом 1941 года, когда в отряде и было-то всего-навсего четырнадцать человек.

Обитал одиноличник Шмулевич в собственном блиндаже, пускай и маленьком, одевался всегда очень чисто и аккуратно, трофейными немецкими шмотками брезговал, иногда предпочитал гражданское (вообразите только – в лесу он вполне мог надеть пиджак с галстуком и светлой рубашкой!), но чаще носил форму майора НКВД, каковым и был в действительности. Разговаривал тихо и вежливо, никто ни разу не слышал, чтобы комиссар повышал голос. К каждому обращался на «вы». В блиндаже содержал массу книг, от классиков марксизма (должность обязывала) до старорежимных изданий Льва Толстого с «ятями» и «ерами».

Роста Семен Эфраимович был среднего, возрастом—чуть за сорок, всегда носил круглые очки в тонкой золотой оправе. Маленькие «гитлеровские» усики под носом были устоявшейся частью облика, прочей растительности на лице не имелось: комиссар аккуратно брился два раза в день и непременно с горячей водой. Все это делало Шмулевича белой вороной и объектом тихих (в основном доброжелательных) насмешек, причём только за глаза – все знали, что с комиссаром шутки плохи. Тихий-то он тихий, но человек абсолютно безжалостный и невероятно умный.

Командовал «Сталинским знаменем» бывший учитель алгебры из третьей средней школы Молодечно Петр Заславский – парень молодой, не военный, до войны лишь дважды бывавший на сборах, но внезапно открывший в себе немалый талант тактика. За два с половиной года действий в глубоком тылу немцев, невзирая на карательные рейды и вдумчивую охоту за партизанами, развернутую противником минувшим летом в Белоруссии, отряд уцелел, значительно пополнился и активно безобразничал на коммуникациях в треугольнике Глубокое-Поставы-Докшицы, доставляя немало головной боли немецкому коменданту Молодечно, ответственному за этот район северной Белоруссии.

Основную базу (опять же по выбору успешного хорошо ознакомиться с округой Шмулевича) создали в Свенцянских грядах, на островах почти непроходимого болота, откуда берут исток Березина и Сервечь. Впрочем, болото оказалось «непроходимым» исключительно для

непосвященных, то есть для немцев – орлы товарища Заславского по осени даже ухитрились притащить сюда угнанное у немцев самоходное артиллерийское орудие «Мардер-II» с почти полным боекомплектом, каковое торжественно доставили в расположение отряда. Для этого пришлось попотеть и положить через топь километровую гать (ее затем сразу же разобрали), зато теперь у «Знамени» имелась собственная артиллерия. Комиссар оценил машину, молча развернулся и ушел к себе – писать представления на награждение отчаянных сорвиголов, тем же вечером отправленные по рации в Москву.

Свенцянские гряды – укрытие надежное, другим отрядам, действующим южнее и западнее, повезло значительно меньше. Неподалеку проходит единственное шоссе Вильно-Полоцк, узкоколейка от Швенчениса на Друю, а вокруг – леса, незамерзающие зимой болота да речушки с топкими берегами. Не зная троп, не подберешься. И напротив, немецкие гарнизоны в Бегомле, Вилейке, Сморгони и других городках находятся в прямой досягаемости; если действовать в меру нагло, до определенной степени осторожно и наносить удары там, где не ждут, можно добиться немалых успехов.

Обладавший хорошей памятью Шмулевич знал в лицо и по имени каждого из восьмидесяти двух партизан отряда – работа с кадрами находилась в его ведении. Большинство – белорусы в возрасте от четырнадцати до шестидесяти лет, двадцать девять кадровых военных из числа окруженцев 1941 года, шесть женщин, работающих в «госпитале» и по хозяйству, да еще агентура в близлежащих городках и деревнях. Не много, но и отнюдь не мало, все люди проверенные – этим Шмулевич занимался лично, каждый новичок в отряде отправлялся на длительную беседу к товарищу комиссару.

Заславский знал о Шмулевиче мало – тот был скрытен и не любил рассказывать о своей персоне. С двадцатых годов комиссар работал в НКВД, уголовным следователем в самом Ленинграде. Поздней осенью 1938 года был арестован, но через два месяца выпущен и восстановлен в звании и должности, однако в 1939-м от греха подальше переведен из Ленинграда в провинциальный Молодечно.

Как сказал сам Шмулевич, «органы разобрались, ничего особенного». Какое обвинение? Бросьте, чепуха – ну посмотрите внимательно мне в лицо, в каком это месте я немецкий шпион? Повторяю: разобрались. Будь я шпионом, где бы я сейчас был, здесь или там?

Эвакуировавшуюся в июне 1941 года из Молодечно автоколонну с документацией местного управления НКВД уничтожили с воздуха штурмовики, немцы отрезали дорогу на восток, ничего не оставалось делать, как уходить в лес и либо пробираться к своим через фронт, либо оставаться и организовывать сопротивление. После встречи с Заславским товарищ майор НКВД и показал свои немалые способности. Думаете, это легко сплотить, вооружить и заставить слаженно действовать совершенно разных людей, от гражданских беженцев из Вильно до спасшихся из разбомбленного эшелона доктора с семьей и военинженера из разбитой танковой части? Это очень и очень нелегко! А в довесок попробуйте обеспечить всем необходимым на болотных островах Свенцян – медикаменты, продовольствие, теплые землянки. Кому этим заниматься, кроме Шмулевича? Да никому.

– Вас наркомом ставить надо, – сказал Заславский комиссару уже в ноябре первого года войны. – Как вы все успеваете, Семен Эфраимович? Вы хоть иногда спите?

– Трех-четырёх часов в сутки вполне хватает, – комиссар убавил огонь на немецкой спиртовке и обмакнул помазок в помятую кастрюльку с кипяченой водой. – Вот что я думаю, товарищ Заславский: нужна устойчивая связь. Хорошая рация, причем очень хорошая. Трофейная. Я знаю, где взять. Выделите мне десять человек помоложе и посообразительнее, придется прогуляться в Будслав...

Рацию добыли через два дня. Потерь во время операции не было.

– Связисты у них неплохо живут, – сказал вечером Шмулевич опешившему командиру. Выложил на стол пухлый бумажник. – Вот, посмотрите – кажется, немцы получили денежное

довольствие, я считал нужным позаимствовать. Пятьсот двадцать рейхсмарок, а не оккупационные фантики.

– Зачем нам здесь деньги?

– Что-нибудь купим.

– У кого??

– У немцев. Или у спекулянтов. В коммерческих магазинах Молодечно достаточно зарубежных товаров – немецкий аспирин или шоколад нам очень пригодятся... Передайте деньги Соловью, у него безупречные документы, и он вне подозрений, все-таки полицай. Список я составлю через час.

И так всегда.

Шмулевич умудрялся совмещать нахальные и стремительные атаки на вражеские объекты с непринужденной экспроприацией всего «полезного».

– Я слишком много общался до войны с настоящими бандитами, – пояснил комиссар. – И знаю, как правильно организовать классический налет. Почему бы не попробовать самому? Скажу вам честно, товарищ Заславский, получается неплохо, пускай и с небольшими помарками. Обещаю исправиться.

* * *

Тем утром Шмулевич привычно поднялся в семь, зажег трофейную спиртовку и согрел чай – немецкие брикеты ничем не хуже чая английского. Распорядок дня традиционный: сперва в блиндаж к радистам, за сводкой и сообщениями из Центра. Потом на «штаб» к Заславскому, где собираются все командиры взводов – в отряде все как в армии. Политзанятия – тоже святое. Разумеется, обычная ежедневная хозяйственная инспекция: обеспечение еще важнее политучебы, голодным или больным в бой не пойдешь, в этой сфере должен поддерживаться идеальный порядок.

Руководство отряда, связь и госпиталь расположили на самом крупном острове, двести на четыреста метров. Почва здесь каменистая, пологая возвышенность покрыта купами сосен и берез. Западнее на много километров тянется сплошное болото с чахлыми кривыми березками и чернеющими пятнами гиблых омутов. Прочие острова выстроены в изогнутую линию на северо-восток, еще дальше – полоса бурелома и дремучие дебри до самой Двины. Подходов к базе всего четыре, с разных направлений – возможность немедленной эвакуации и отступления отряда на одну из запасных стоянок предусматривалась в обязательном порядке, тут вам война, а не шуточки в деревенском шинке. То, что немцы отроду не появлялись на Свеняцких болотах, еще ничего не значит: если очень захотят – придут, и вот тогда рассуждать будет поздно.

Что сообщают с Большой земли? На фронтах затишье. Неудивительно – медленно, но верно подступает весенняя распутица. Позиционные бои «местного значения», освобождены два населенных пункта, заявление Народного комиссара иностранных дел... В общем, ничего интересного.

Позавтракали в штабной землянке: пшено с неприятно пахнущим топленым жиром, каждому по ломтику немецкой колбасы из жестяных банок вермахтовского пайка. Сырой серый хлеб – и счастье еще, что такой есть, по весне всегда голодно. Снова жидковатый чай с таблетками сахара. Жить можно.

По большому счету ничто не предвещало экстраординарных событий, грянувших после полудня и ввергших в легкую оторопь даже вечно невозмутимого комиссара Шмулевича.

Посты по периметру базы выставлялись в обязательном порядке, особое внимание наблюдатели уделяли угрожаемым направлениям – тропки противнику, скорее всего, неизвестны, однако гарантий никто дать не может: неожиданный визит эсэсовской зондеркоманды,

поддерживаемой фельдшарами и тыловыми частями, ничуть не исключен, сколько раз другие нарывались! Последствия всегда были тяжелыми – большие потери или полное уничтожение отряда. Бдительность и еще раз бдительность!

Без четверти двенадцать комиссара насторожил чересчур громкий гул авиационных двигателей, но это явно был не разведчик – «Шторх» гудит совсем иначе, звук высокий, дрожащий. Значит, ничего опасного, здесь частенько летают самолеты из Вильно или Кенигсберга на Минск. Станный грохот, смахивавший на отдаленный оружейный выстрел, Шмулевича не заинтересовал – если прислушиваться к каждому непонятному звуку, никаких нервов не хватит...

А через полчаса примчался раскрасневшийся и взмокший Степка, пацан пятнадцати лет, возглавлявший в отряде службу вестовых – возраст ничего не значил, Степка уже честно заработал «Отечественную войну» второй степени. Выпалил задыхающейся скороговоркой на деревенской смеси русского, белорусского и коверканного польского:

- Таварыш ком... Тьфу ты, Сямен Эфраимович! Тамка...
- Степа, вытрите лицо снегом. Что у вас? Более связно, пожалуйста.
- Самолет! Упал! Вялизарны!
- Где конкретно?
- Дык, километра чатыры... с половой. За Свидельской топью...
- Сами видели?
- Так! Сам! Не выбухнуу гэты зараза, зверзиуся у лес – только дрэвы у шэпы!
- Степа, не тараторьте... Учитесь докладывать спокойно. Что значит «большой»? Транспортный «Юнкерс»?
- Да не, Сямен Эфраимович! Ци я «Юнкерсов» николи не бачыу? Зусим други! Чатыры маторы!
- Вы близко подходили?
- Гарэленка як забачыу, дык дазор вакол паставиу, а мяне сюды, до вас!
- Самолет... – вполголоса протянул Шмулевич. – И не взорвался. Очень, очень интересно. Быстро доложите командиру отряда. Капитана Бутаева и доктора Раппопорта ко мне мигом!

Степка ринулся со всех ног.

Комиссар оценил ситуацию мгновенно. Вариантов два по два: это или грузовик, или тяжелый бомбардировщик. Немецкий – или, соответственно, советский, союзникам в небе над Белоруссией делать решительно нечего. Логика подсказывает, что бомбардировщиком одиночный самолет быть не может – очень далеко от линии фронта, почти тысяча километров, да и на девяносто процентов принадлежит он германским ВВС.

Итак, немецкий транспортный борт. Остается взглянуть на груз – возможно, он не слишком сильно поврежден. Оружие, продовольствие? Все зависит от того, шел самолет с запада или востока, этого Степка не заметил...

Если что-то полезное падает с неба – грех не воспользоваться.

Павел Бутаев, капитан-пограничник, чудом уцелевший в июне 1941 и в одиночку добравшийся на своих двоих до Свенцяна аж из-под Гродно, возглавлял взвод, полушутя-полусерьезно называемый отряда «Особым отделом». Но если в регулярной армии Особые отделы занимались известно чем – контрразведка и борьба со скрытым врагом в рядах РККА, – то Бутаев начальствовал над дюжиной лучших диверсантов «Сталинского знамени», каждого отбирал сам. Во взводе всегда и постоянно было только тринадцать человек – если погибал один, на его место капитан в тот же день находил замену. Отказников не было, ходить в числе «чертовой дюжины» почиталось за честь. Недавно угнанный «Мардер» числился на совести Бутаева и его подчиненных. Между прочим, капитан был единственным, кто именовал Шмулевича не по устоявшейся в отряде традиции, а «товарищ комиссар» и никак иначе:

- Соберите ребят, – тихо сказал Шмулевич Бутаеву. – В полном составе. Слышали уже?
- Степка успел растрепать... Идем проверять?
- А вы как думали, Павел Никифорович? Может быть, кто-то остался жив, зачем рисковать?
- Так вот зачем вам доктор?.. Надеетесь «языка» взять?
- Обычная предусмотрительность, – пожал плечами комиссар. – Перебдим. В игры мы с вами до войны наигрались, теперь все всерьез.
- Ясное дело, – прогудел здоровяк-капитан, легко согласившись и не заметив оттенка язвительности в словах Шмулевича, все-таки оба принадлежали к одному ведомству. – Одного боюсь: как бы они самолет искать не начали.
- Упал далеко от нашей базы, обойдется. Дороги развезло, комендантская рота из Молодечно появится не раньше, чем к вечеру. Если появится. И все же поторопимся.

* * *

– Вусть тамка вон, бачыце, – Степка вытянул руку. – Наскрозь праз ельник прайшоу, зараза.

– Первое отделение налево, второе со мной, – скомандовал Бутаев. – Смотреть в оба! Без надобности огонь не открывать. И потише давайте...

Спустя пять минут комиссару стало ясно: глазастый Степка оказался совершенно прав, никакой это не «Юнкерс-52». Хвостовая часть большого самолета отвалилась при ударе и валяется в полусотне метров от фюзеляжа, носовая часть сильно изуродована, стекла кабины разбиты. Вокруг много обломков – куски обшивки крыльев; лопасть одного из винтов вошла в покосившуюся столетнюю ель больше чем наполовину. Опознавательные знаки на киле – германские.

– Гражданский, что ли? – спросил капитан.

– С ума сошли, немедленно затушите папиросу! – проворчал Шмулевич. – Чувствуете, бензином несет за десять верст! Прикажите остальным не подходить, вы – за мной.

– Можно з вами? – заикнулся недисциплинированный Степка.

– Извините, Степа, нельзя. Потом посмотрите.

В комиссаре проснулся следователь: ничто не должно быть тронуту до осмотра места... Нет, не преступления. Места аварии. Добрались через завалы из еловых веток до хвостовой части.

– Весьма забавно, – Шмулевич снял очки, вытащил из кармана шинели фланелевую тряпочку (шинель у него была обычная, пехотная, без знаков различия), протер стекла, вернул очки на место. – Товарищ капитан, ничего необычного не замечаете?

– Тут из обшивки будто кусок вырван, – указал Бутаев. – Кресел по левому борту нет, а справа сохранились. Гляньте, мертвяк в снегу. Кажись армейский полковник. Ого! Вот повезло... Разрешите обыскать?

– Не разрешаю. Успеется. Идем дальше. А вы не ошиблись, капитан – это пассажирский самолет. Кажется, никто не выжил... Может, и к лучшему. Меньше забот.

Вот и корпус. У наблюдательного Шмулевича не осталось сомнений: в небе над Свенцянами произошло нечто очень и очень странное – достаточно сравнить повреждения на линии разлома фюзеляжа и хвоста, был взрыв. Это никакая не зенитка, листы обшивки выгнуты наружу – вырван целый сегмент!

– Вот это номер! – выдержка комиссару изменила, когда он осмотрел задний отсек самолета, отделенный от носовой части перегородкой с деревянной дверцей. Много трупов, все в чине от полковника и выше. Три ээсовца. Нескольких в момент катастрофы выбросило из

салона, придется откапывать из подтаивающих сугробов. Портфели, папки, разбросаны печатные листы с какими-то документами. – Боже ж мой... Бутаев, вы понимаете что с неба упало?

– Звезда героя, – хмыкнул капитан. – И, думаю, не одна. Самолетик-то штабной. Кликнуть ребят?

– Подождите... Дверь заклинило. Надо посмотреть, что в переднем салоне.

– Дайте сюда. Сейчас.

Перекосившуюся дверцу удалось вскрыть с четвертого раза.

– Идите, посмотрите в кабину, я пока огляжусь. Ступайте осторожнее, видите, какое тут месиво...

Шмулевич присел на корточки и тихо присвистнул. Первая мысль: надо немедленно, как можно быстрее, еще до заката эвакуировать отряд на резервную базу. ТАКОЙ самолет будут искать, и искать самым тщательным образом, с привлечением больших сил!

У ног комиссара лежал мертвый генерал-лейтенант, сразу за ним – эсэсовский обергруппенфюрер.

Что еще? Две девушки в обычных темных платьях и белых передничках – обслуга, вероятно. Четверо гражданских, еще два военных. Разлетевшиеся бумаги и карты. Брызги крови на бежевой внутренней обшивке, разбитые фарфоровые чашки.

– Пилоты погибли, – Шмулевич вздрогнул, услышав голос Бутаева, выбравшегося из искореженной кабины. – Планшет вот прихватил. Товарищ комиссар? Семен Эфраимович? Вы чего? Да что стряслось-то?

– Вы меня назвали по имени и отчеству, – выдохнул Шмулевич и вытер ладонью холодный пот со лба. – День сегодня и впрямь необычный. Начинаем работать. И чтоб ни одной бумажки не пропало! Головой отвечаете!

– Так точно, отвечаю... Глядите, а вот этот, в коричневом френче, живой. И генерал тоже. Пар изо рта!

Справа, у самого борта, лежал пожилой человек с полностью залитым кровью лицом – ударился лбом о металлическую кромку столика, кожа и волосы над лбом содраны. Правая рука явно сломана – кисть вывернута неестественно. У генерал-майора ВВС разодран китель, на груди кровь – ребра, что ли, переломал?

– Доктора сюда, – решительно сказал комиссар. – Один гражданский и один генерал Люфтваффе, это лучше, чем совсем ничего. Что вы стоите столбом?! Давайте же!

* * *

Хеннинг фон Тресков ждал до без четверти три пополудни – требовалось подтверждение из Растенбурга. И только когда генералу позвонил находившийся в Ставке майор генштаба Кун и сообщил, что объявлена тревога и в воздух поднят истребительный полк, базировавшийся в Кенигсберге, Тресков поднял трубку и попросил соединить его с Берлином.

– Капитан Гере? Добрый день, это Тресков. Как ваша поездка в... в Бранденбург? Надеюсь успешно?

– В Бранденбург? – сквозь треск помех донесся ошеломленный голос Гере. – Я собирался вечером в Потсдам...

Это было второе кодовое слово, означавшее, что операция провалена.

– Вы ошиблись, именно Бранденбург, – генерал-майор выделил голосом последнее слово. – Отправляйтесь как можно быстрее.

Связь прервалась.

– Шлабрендорф! Машину немедленно!

Штабной городок группы армий располагался на окраине Смоленска. «Опель» Трескова миновал КПП, генерала встретил адъютант фельдмаршала Ключе.

– Подождите несколько минут. У шефа срочный разговор с Растенбургом – Кейтель...

«Значит, уже начался тихий переполох, – понял фон Тресков. Бить надо, пока они растеряны и не знают, что предпринять!»

– Началось, – коротко подтвердил Ключе, едва генерал-майор переступил порог кабинета. – В данный момент мы ничего не можем сделать, только наблюдать и ждать. Я получил сообщения из штаба Люфтваффе, активные поиски над территорией Литвы ведутся больше часа. Прочтите...

Фельдмаршал передал Трескову бумагу с грифом особой секретности: командующий армией резерва генерал-полковник Фромм вводил в действие план «Валькирия» и уведомлял об этом высшее руководство Вермахта.

Телеграмму отправили из Берлина сорок две минуты назад. Переворот начался.

«Валькирию» начали разрабатывать еще два года назад с полного одобрения фюрера: план предусматривал схему действий на случай возникновения внутренних беспорядков или высадки вражеского десанта на территорию Рейха. Более чем двухмиллионная армия резерва по поступлению приказа немедленно формирует боеспособные части, они вооружаются со складов и поступают в распоряжение командующих округов, обязанных обеспечить безопасность жизненно важных объектов – транспортных узлов, предприятий и линий связи. Именно армия резерва должна поддерживать условия «военного чрезвычайного положения» в стране.

– ...Но ведь генерал Фромм не хотел поддержать нас, – покачал головой Тресков. – Если он начнет действовать на стороне нацистского руководства, ничего не получится.

– Не начнет, – холодно бросил Ключе. – А в случае реального противодействия Фромма устранят и заменят Ольбрихтом или Гепнером. Повторяю, господин генерал-майор, нам остается только ждать. Обстановка прояснится не раньше, чем к вечеру. Отправляйтесь к себе и выполняйте свои прямые обязанности: не забудьте, война пока не окончена.

* * *

Рейхсминистр вооружений и боеприпасов Альберт Шпеер прилетел из Рура под утро – пришлось лично осматривать разрушения на заводах фирмы «Рейнметалл», сильно пострадавших после вчерашнего налета англо-американских бомбардировщиков. С берлинского аэродрома Темпельхоф Шпеер сразу отправился домой – глаза слипались, не спал министр больше суток.

Правительственный «Хорьх» и машина сопровождения миновали район Целендорф и вышли на шоссе ведущее к Шлахтензее – маленькая вилла Шпеера, построенная по его собственному проекту еще в 1935 году, располагалась в тихом зеленом пригороде, на берегу озера Хафель.

Вернуться в министерство можно будет ближе к вечеру, сначала необходимо отдохнуть хотя бы пять-шесть часов – сменив погибшего доктора Тодта, Шпеер уже больше года работал на износ, отвечая за снабжение воюющей армии всем необходимым от пистолетных пуль до танков и самолетов.

В доме было тихо, жена и дети еще не проснулись, прислуга должна прийти на работу только к семи утра. Отлично, в столовой оставлен холодный завтрак. Маргарете всегда была заботлива – идеал немецкой женщины, а главное, она предпочитает семью общественной деятельности, чем выгодно отличается от фрау Магды Геббельс. Впрочем, Магда – жена министра пропаганды, ей сам бог велел...

Теперь – спать.

– Альберт, проснись, – его сильно трясли за плечо. Жена. – Альберт, пожалуйста!

– Что? – Шпеер поднялся на локте. – Телефон? Передай, я сейчас спущусь.

– Нет-нет, в час дня звонил твой секретарь, но ничего срочного, попросил не будить... Сейчас уже половина третьего.

– Что случилось? – выглядела Маргарете крайне обеспокоено. – Да говори же!

– Военные. Окружили дом. Пока не входят. У въезда в сад броневедомобиль... И фельд-жандармы.

– Черт... Где мой халат?

Шпеер подошел к окну, слегка отодвинул штору. Точно – на улице стоит броневедомобиль, солдаты, не меньше трех взводов. Два черных «Опеля».

– ...По радио передают только военные марши и Вагнера, – полушепотом продолжала Маргарете. – Я хотела в три послушать новости, но диктор только сказал, что через два часа будут передавать сообщение чрезвычайной важности и обращение верховного главнокомандующего Вермахта к нации.

– Как? – Шпеер резко развернулся. – Не «фюрера и верховного главнокомандующего», а просто «главнокомандующего»? Ты точно запомнила?

– Да... Альберт, я боюсь за детей. Что происходит?

– Успокойся и возьми себя в руки. Если... Если произойдет что-нибудь совсем непредвиденное, забирай малышей и немедленно отправляйся к родителям в Гейдельберг. Деньги во втором сейфе, в гостиной – там много... Я не знаю, что происходит. Пойдем вниз, звонок. Повторяю: будь абсолютно спокойна!

Домоправительница фрау Кох с перепуганным видом стояла у распахнутой двери.

– Капитан Штельцер, адъютант начальника гарнизона Берлина генерала фон Корцфляйша, – откозырял военный. За его спиной стояли трое: лейтенант и два ефрейтора вооруженные автоматами. – Это вы Бертольд Конрад Герман Альберт Шпеер?

– Да, это я, господин капитан. Чем обязан визитом?

– Могу я попросить ваши документы, удостоверяющие личность?

– Вы спятили, капитан! Я министр правительства! В чем...

– Документы, пожалуйста, – вежливо, но непреклонно потребовал Штельцер.

– Маргарете, удостоверение рейхсминистерства у меня во френче, будь добра принести. Фрау Кох, найдите в кабинете мой общегражданский паспорт, он в верхнем ящике стола слева, там не заперто... Возмутительно! Капитан, вы понимаете, что я вынужден сообщить о ваших действиях в управление имперской безопасности? Вы позволите позвонить?

– Через пять минут вы сможете звонить куда угодно. Удостоверение и паспорт перекочевали в руки Штельцера. Изучил. Вернул с коротким кивком.

– Господин Шпеер, – чеканя каждое слово, произнес капитан, – я обязан доставить вас на Вильгельмштрассе для представления его превосходительству рейхспрезиденту Германской империи генерал-полковнику Францу Гальдеру. Я же отвечаю за вашу личную безопасность.

– О, господи... – только и выдавила Маргарете. Шпеер подавил эмоции с трудом: загадка разрешилась.

Итак, невозможное стало возможным. Они это сделали. Остается открытым вопрос – насколько успешно.

– Вы позволите одеться, капитан?

– Разумеется. Убедительно прошу вас поторопиться. Обстановка в столице сложная.

– Э-э... Понимаете ли капитан, у меня семья... Маленькие дети.

– Это предусмотрено приказом коменданта. Ваш дом останется под охраной двух взводов и военной полиции, в случае необходимости фрау Шпеер и детей перевезут в рейхсканцелярию.

– Полагаю, для... для предстоящей встречи с господином Гальдером больше подойдет штатский костюм, – полувопросительно, полуутвердительно сказал министр уже несуществующего правительства. – Как думаете?

– Не вправе советовать, – нейтрально ответил капитан. Маленькая автоколонна направилась к центру Берлина – впереди броневик, за ним «Хорьх» и два «Опеля». Ехать до Вильгельмштрассе не более двадцати минут. За руль автомобиля Шпеера сел лично Штельцер.

– ...Скорее всего – авиакатастрофа. Примерно в полдень по берлинскому времени вылетевший из Смоленска самолет фюрера исчез, его до сих пор не нашли. Войска гарнизона подняты по тревоге, введены в действие все директивы плана «Валькирия», – пояснял капитан по дороге. – Правительственный район оцеплен, охранный батальон захватил министерство пропаганды и арестовал доктора Геббельса, здание РСХА прямо сейчас штурмуют курсанты фанен-юнкерского и унтер-офицерского училищ, выдвинувшиеся из Потсдама. Рейхсфюрер Генрих Гиммлер захвачен у себя на квартире два часа назад и расстрелян...

– Боже мой, танки... – машины повернули к Тиргартену, и кортеж вынужден был остановиться: улицу перегораживали два Pz.IV, принадлежавшие танковому училищу в Крампнице.

Штельцер выскочил из автомобиля, подбежал к майору-танкисту, быстро показал какие-то бумаги и сразу же вернулся.

– Все в порядке, проезжаем... Хорошо, смогли избежать неразберихи! Слышите стрельбу? Кажется, это возле радицентра на Мазурен-аллее... Большинство эсэсовских и партийных объектов взяты без боя, но кое-где армии оказывают очень серьезное сопротивление. К счастью, у нас значительный перевес в силах. Арестованных пока свозят на берлинский стадион... Больше никаких подробностей не знаю.

Просторный двор рейхсканцелярии был заполнен военными и техникой. Обычная охрана в черной форме СС сгнула, посты заняли солдаты берлинского гарнизона и юнкера артиллерийской школы Ютерборга. Гражданских почти совсем не видно – два-три человека. Один из них был Шпееру знаком:

– Альберт, наконец-то... – к «Хорьху» быстро подошел граф Вернер фон дер Шуленбург. – Вы задержались больше, чем мы рассчитывали. Идемте, Гальдер очень за вас беспокоился – обратиться к народу по радио должны вы оба.

– Значит, все-таки...

– Да. Поздравляю с назначением, господин рейхсканцлер.

– Стало известно, что с Гитлером?

– Поиски расширяются, вот и все. Прошло около пяти часов, никаких сомнений – самолет разбился на территории России или Литвы. Кстати, в Каринхалле только что арестовали Геринга, командование Люфтваффе временно взял на себя Мильх.

– Что в Растенбурге?

– Связь со Ставкой блокирована, командующий Первого Кенигсбергского военного округа действует по плану «Валькирия» – следовательно, Растенбург мы возьмем под контроль в ближайшее время.

– Неужели получается? – Шпеер искоса взглянул на фон Шуленбурга. – Так быстро?

– Убран стержень, на котором все держалось, Альберт. Карточный домик посыпался. Слухи о гибели фюрера распространились с невероятной быстротой.

– Хорошо, если под «карточным домиком» вы не подразумеваете Рейх, дорогой граф.

– Все в ваших руках, господин имперский канцлер, – сказал Шуленбург. – Или вы предпочтете – «мой фюрер»?

– Фюрер только один, – твердо ответил Шпеер. – Шутку полагаю неуместной. И молитесь богу, граф, чтобы «Кондор» не сбился с курса и не приземлился где-нибудь в Швеции или Финляндии. Иначе нас ждет пренеприятнейший сюрприз. И как его последствие – виселица.

Они прошли по мраморной парадной зале рейхсканцелярии в сопровождении вооруженных офицеров, миновали приемную и вошли в огромный кабинет, до этого дня принадлежавший «только одному».

Начиналась новая эпоха.

* * *

– Товарищ Сталин, срочное...

Поскребышев аккуратно положил на стол черную папку. Застыл, ожидая.

– Крайне срочное, товарищ Сталин... – Поскребышев знал, когда и как надо быть настойчивым. Днем Иосиф Виссарионович быстро уставал, его время – ночь. Вот и в пепельнице окурки папирос – когда он вымотан, нет времени на трубку. Только папиросы, так проще и быстрее.

Поскребышев не знал, что за документы содержались в папке темной кожи. Бумаги такой степени секретности доставлялись спецкурьером ГРУ и предназначались только для взгляда Верховного. Только для него.

Сталин потянулся, зевнул, будто кот – сейчас он выглядел самым обычным человеком, каких сотни и тысячи, – бросил недовольный взгляд на Поскребышева, зачем-то коснулся пальцами левой руки серебряного подстаканника, стоявшего прямо на листах плотной желтоватой бумаги с неразборчивыми записями, открыл папку и быстро пробежал взглядом по отпечатанному на машинке тексту.

– ...Доигрался, мерзавец, – лицо Верховного не изменилось. – Вот что... Берию, Молотова и Маленкова позови сюда. Сейчас. Еще Василевского и Антонова... А теперь иди, работай.

– Слушаюсь, товарищ Сталин. Дверь закрылась.

– Доигрался, – тихо повторил Верховный, пройдясь по кабинету. – Сука...

Сталин заново взял в руки депешу. Вновь прочитал. Усмехнулся. Швырнул листок на стол. Очень хотелось курить.

Сталин подошел к столу, взял из коробки папиросу, раскрошил одну. Табак высыпался на стол. Поморщился, смахнул ладонью крошку на пол.

Взял еще две папиросы, аккуратнейшим образом набил трубку. Зажег трубку спичкой. Прошелся по кабинету вперед-назад.

– Разрешите, товарищ Сталин?

Поскребышев открыл дверь. Первым явился Антонов – неудивительно, он и должен быть здесь, в Кремле. Василевский подъедет минут через двадцать.

– Товарищ Сталин?

Справа за спиной Антонова – Берия. Молодец. У этого человека уникальный нюх на события. Лаврентий Павлович вроде сегодня должен отдыхать...

Антонова остался безмолвен, Берия сделал шаг вперед.

– Товарищ Сталин, разрешите доложить?

– Докладывайте.

– По сообщениям агентуры из Германии...

– Он умер? – перебил Верховный, лишь чуть приподняв брови. – Лаврентий, почему ты мне сообщаешь вчерашние новости?

– Я знаю, кто преемник, – не смутился нарком.

– Садитесь, – Верховный поморщился. Глянул на маячившего в дверях Поскребышева: – Чай, крепкий чай... Сам знаешь. Товарищ Берия, когда это случилось?

– Шесть... – нарком НКВД машинально глянул на наручные часы, – точнее шесть часов сорок минут назад. Белоруссия. Подтверждения из Берлина пришли. Он мертв.

Сталин пыхнул трубкой, взял ее в левую руку, пальцами правой провел по сукну стола. Отвернулся.

– И что теперь вы сможете предложить, товарищи? Берия запнулся. Он не понял смысл вопроса. Генерал-лейтенант Антонов наоборот, вытянулся, будто штопор проглотил.

- Товарищ Сталин, это возможность...
- Какая? – поднял взгляд Верховный.
- Быстро закончить войну с немцами.
- Быстро? – нахмурился Сталин. – Быстро не получится.
- Получится, товарищ Сталин. Гитлер умер. А это главное.
- Вашими бы устами, товарищ Антонов... Что конкретно вы предлагаете?
- Убить Сталина, Иосиф Виссарионович.
- Хорошее предложение, – усмехнулся Верховный. Берия откровенно фыркнул. – Объясните, товарищ Антонов.
- Наверное, я был некорректен, неверное сравнение привел. Извините, товарищ Сталин. Представьте, что произойдет, если вас убьют прямо сейчас. Что подумает советский народ? Как воспримет? Что случится потом? Каковы окажутся последствия? Сейчас, во время тяжелейшей войны? И самое важное: кто заменит Сталина и как начнет действовать?
- Я понял, – мгновенно кивнул Верховный. – Лаврентий?
- Согласен с товарищем Антоновым, – невозмутимо ответил нарком НКВД. – Борьба за преемника.
- Преемник, – медленно повторил товарищ Сталин. – Борьба. Очень хорошие, правильные слова. Замечательные. Кто этим займется?

* * *

- Не нравится мне это, – комиссар Шмулевич опустил бинокль. – Не нравится до крайности, товарищ Заславский. Пока они слишком далеко и кружат за озером Нарочь... Однако скоро стемнеет, немцы вернут авиацию на аэродромы. А завтра?
- Завтра они вернуться, – буркнул командир отряда. – Ничего не скажешь, повезло нам...
- А вы не расстраивайтесь. Ведь действительно повезло? С темнотой уходим на «точку два», оставаться на островах нельзя. Жаль бросать базу, но жизнь дороже.
- Что ж это за самолетик такой? Генштабовский?
- Очень вероятно. Я бегло просмотрел некоторые документы – на всех аббревиатура «OKW», Верховное командование Вермахта. Да, Заславский, вы правы. Это генштаб или нечто весьма близкое – командование армии, к примеру. Несколько генералов... – комиссар выдержал паузу и повторил: – Повезло. Прикажите людям собираться, до заката всего два часа. Чем дальше уйдем, тем лучше.

Самолеты начали летать во второй половине дня: звук моторов доносился с запада и северо-запада, то приближаясь, то почти совсем исчезая. Из отряда, действовавшего под Сморгонью, по радиации кратко сообщили – кружат над лесами, идут тройками, будто прочесывают. Гарнизон в самой Сморгони подняли по тревоге, больше ничего не известно. Похоже, у немцев случилось что-то серьезное.

– Серьезнее некуда, – проворчал Шмулевич, получив от связистов радиограмму. – У нас за такую потерю командование ВВС под трибунал бы пошло. С вытекающими.

На месте катастрофы трудились не покладая рук полтора часа: как и приказал комиссар, не должно было пропасть ни единой бумажки! Обыскали трупы, документы складывали в мешки. Двоих тяжелораненых – гражданского с разбитой головой и генерал-майора на волокушах переправили в «госпитальный» блиндаж с указанием доктору Раппопорту и его помощникам сделать все возможное: ценность этих пленных сложно преувеличить.

Шмулевич составил шифровку для Минского подпольного обкома и первого секретаря ЦК КП(б)Б Пономаренко: захвачены важнейшие документы противника, любой ценой требуется переправить их на Большую землю. Как – вам решать. Обстоятельства «захвата» комиссар не уточнил – все потом.

Ответ пришел вскоре – принято, поддерживайте связь. О принятом решении будет сообщено.

Одна беда: принять самолет с Большой земли в районе Свенцянь невозможно, мешки с неслыханными трофеями придется переправлять в отряд «Большевик», базирующийся сотней километров западнее, под Лепелем. Далековато, но не беда – походы за Березину не были для подчиненных товарища Заславского чем-то из ряда вон выходящим. Бутаев со своими ходил зимой – и ничего, вернулся жив-здоров.

– ...Этот совсем плох, – объяснил комиссару доктор, указав на пожилого мужчину, первым доставленного в лазарет. – Теменная и лобные кости раздроблены, правый зрачок увеличен, поднимается температура.

– И что? – наклонил голову Шмулевич.

– Кровоизлияние в мозг, Семен Эфраимович. Он не выживет. Даже если бы у меня была возможность сделать трепанацию в таких... кхм... неудобных условиях, это не помогло бы.

– Разрешите взглянуть?

– Конечно.

Этому человеку было лет за пятьдесят. Коротко постриженные седые волосы, кровь отмыли небрежно, что искажало черты лица. Одет в черные брюки и бежево-коричневый френч с четырьмя пуговицами и накладными карманами. На правом нагрудном кармане единственный железный крест, дата – 1914 год. Значит, воевал еще в империалистическую. Выше – золотистый значок со свастикой.

– Обыскали? – повернулся комиссар к доктору.

– Оружия и документов нет. Только письмо на немецком языке, написано от руки. Несколько безделушек, ручка с золотым пером – она сломалась напополам, – и две пастилки в фольге. По-моему, лекарство. Посмотрите на столе... Кстати, обратите внимание, усы у него как у Гитлера.

– У меня такие же, – криво усмехнулся Шмулевич. – Не сомневаюсь, это какой-то гражданский чиновник из Пруссии, не из крупных. В лучшем случае снабженец, интендант; знаки различия отсутствуют, одет – скромнее не придумаешь. Меня больше интересует генерал-летчик.

– Тяжелое сотрясение мозга и пять ребер справа, – уверенно сказал доктор. – Придет в себя.

– Присматривайте в оба глаза. Я пришлю двоих бойцов Бутаева.

Комиссар подошел к столу, застеленному сероватым льном, перебрал пальцами найденные у пожилого вещицы и забрал только письмо: иногда личные послания куда интереснее для разведки, чем штабные документы. Мельком глянул на подпись:

«...*IhreEve. Berhtesgaden, 10. Marz 1943*».

Выходит, отправлено третьего дня. Кто она, эта Ева?.. Впрочем, сейчас это совершенно неважно.

* * *

«Точка два» была одной из запасных баз отряда – в сорока километрах на северо-восток, в лесах за речкой Дисна. Такая глухомань, что Свенцяны покажутся едва ли центром мироздания. Погода к вечеру начала портиться, пошел снежок – это хорошо, немцам будет труднее напасть на след. Отряд пойдет пятью группами по разным тропам, такие предосторожности обязательны: не повезет одним, выберутся другие. Через два дня все должны собраться в новом лагере.

– Может, зря мы?.. – неуверенно сказал Заславский комиссару. – А если самолет не найдут?

– Этот—найдут, – отрубил Шмулевич. – Поверьте, чувство опасности меня пока не подводило, а сейчас в груди щемит очень уж нехорошо. Мы сейчас не отступать должны, а ноги уносить. Так, чтобы пятки сверкали. Кому будут нужны наши трофеи, если завтра немцы обложат Свенцяны со всех сторон и начнут выкуривать нас артиллерией? Предпочитаю рассчитывать на худшее.

– Так я разве спорю? Глядишь, ночью и проскользнем.

– Пленного генерал-майора беречь как зеницу ока, себе в хлебе отказывать, а его кормить. Не представляю, как мы его доставим в расположение «Большевика» в Лепель, однако что-нибудь придумаем...

– А второй?

– Умер час назад.

– Бросим здесь?

– Зачем оставлять лишние следы? Приказал Степке и его вестовым забрать труп из лазарета и оттащить к Свидельской топи. Набили карманы камнями – и в омут, никто не найдет. Степка крест с френча открутил, паршивец – трофей захотел.

– Да и черт с ним, с этим немцем... Я выступаю с первой группой, вы с третьей, Бутаев с пятой. Двигайтесь на Подсвилье, и поосторожнее, когда станете пересекать виленское шоссе – раз объявлена тревога, движение будет и ночью.

– Вы будете учить меня осторожности, товарищ Заславский? – Шмулевич посмотрел на командира поверх очков. – Смею вас уверить, это лишнее.

Мокрый снег продолжал сыпаться с темного неба на жухлую прошлогоднюю траву.

Вадим Шарапов Помощь

Маршал Жуков барабанил пальцами по столу и немигающим взглядом серых глаз рассматривал того, кто стоял перед ним.

Хотя стоял ли? Черное облако, вытянутое вокруг вертикальной оси, крутилось под низким потолком командного блиндажа. У облака не было лица. Но почему-то при взгляде на него маршал чувствовал исходящее от вертящегося клуба смущение и растерянность.

– Так. Значит, приказы Ставки побоку? – процедил Жуков и встал. Потянувшись всем крепко сбитым телом, он хрустнул костяшками пальцев и подошел к телефону. Опустил руку на эбонитовую трубку и, не оборачиваясь, сказал:

– Ньярлатотеп, за такие штучки – под трибунал недолго.

Облако зашелестело бесплотным голосом. Маршал Жуков слушал его, багровея шеей. Потом не сдержался – грохнул кулаком по столу и заорал во весь голос, матерно, перекатывая на щеках желваки. После длинного, трехэтажного загиба снова поглядел на Ньярлатотепа.

– А мне плевать на Азатота, слышал?! Где он? Отсиживается там у себя с флейтистами своими? Тварь! Как мирное население уничтожить – он первый! А как в ударной группе – полные штаны навалил?

Маршал рванул трубку телефона и тяжело дыша в нее, не остывая от злобы, бросил:

– Ротмистрова ко мне, быстро!

Швырнув трубку обратно на рычаг, Жуков подошел, почти подбежал к двери командного пункта, настежь распахнул ее и бешено крикнул:

– Альхазредов! Ты где там?

Скрипя сапогами, в помещение вошел маленький, крючконосый человек в гимнастерке без погон, в странной черной шапке, напоминавшей пирамидальную буденовку с опущенными наушниками. Был он тощим и сутулым, но черное облако, словно в страхе, резко отшатнулось от него и вновь зависло в дальнем углу, подергиваясь рябью.

– Я, товарищ маршал Советского Союза, – тихо сказал вошедший.

– Альхазредов! Ты приказ Самого знаешь?! Освободить Орел и Белгород в кратчайшие сроки. В кратчайшие, ты понимаешь?! А эти твои... – Жуков скрипнул зубами, удержал матерное слово, – ...демоны... думают, что к теще на блины попали?

– Виноват, товарищ маршал...

– Да мне плевать, кто виноват! Вызывай этого своего... как его? Который за транспортировку и перемещение отвечает! Ключника!

– Иог-Сотота, – все так же тихо отозвался Альхазредов. Одновременно он уже совершал руками короткие и сложные движения, сплетая невидимую паутину, и шептал непонятные слова.

– Нгах... фхтагн, – доносилось до маршала. – Огт'род айф... гебл'ихх... – жилы на тощей шее вздулись, человек шептал белыми губами.

* * *

Ньярлатотеп в углу издал короткий, режущий уши визг. Облако засветилось багровым пламенем и погасло. В блиндаж вползал мертвящий холод, захрустела, покрываясь инеем, входная дверь. Жуков стоял, твердо расставив ноги и заложив руки за спину, и только чуть морщился от ледяного ветра.

Посредине комнаты появилось нечто. Больше всего это было похоже на груды мыльных пузырей, переливающихся тошнотворными, немислимыми для человеческого глаза оттенками цветов, в радуге которых чувствовалась смертельная угроза. Пузыри, угрожая, двинулись к Жукову, но остановились, когда маршал сам шагнул вперед, гневно сведя брови.

– Твою мать! Уклоняться от приказов Верховного Главнокомандования? Уклоняться? Он замахнулся кулаком, шары задрожали растерянно, выстроились спиралью.

– Вижу, надоело тебе на теплом месте? Облик жмет, хочешь на пару миллионов лет загреметь туда, где ни живой, ни мертвой души нет? Устроим! – Жуков расстегнул кобуру, потом, опомнившись, убрал руку с пистолетной рукоятки. Шары изогнулись наподобие вопросительного знака, и прямо в мозгу у командующего загорелись слова.

«ВИНОВАТ. Я. ВИНОВАТ. НЕ НАДО».

– Слушайте вы. Оба, – Жуков говорил спокойно, но в его голосе чувствовалась смерть. – Если к шести ноль-ноль завтрашнего дня Орел и Белгород не будут освобождены от немецких частей – вам конец. И вам, и всем вашим тварям, которых Красная Армия терпит только потому, что они принесли ей вечную присягу. И я знать не хочу, как и с кем вы будете эти города брать, до первой крови или до последней. Завтра в шесть я вот по этому телефону должен услышать доклад об освобождении Орла и Белгорода. Иначе – сказок о вас не услышат, и песен о вас не споют. Понятно?! – снова крикнул он, дернувшись всем телом вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.